

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

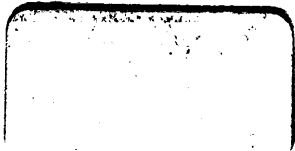
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

S/a4 434/. 15.40

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Митч

П. П. ТНЪДИЧЪ.

НОВЫЙ СКИТЬ.

ПЬЕСА

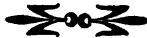
въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Пьеса «Новый Скитъ»
БЕЗУСЛОВНО ДОЗВОЛЕНА ЦЕНЗУРОЮ КЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЮ.

(„Правительственный Вѣстникъ“, 25 ноября 1903 г., № 239).

—•—

Цѣна одинъ рубль.

150

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе *Н. Ф. Маркса.*
1903.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

П. П. Гнѣдича.

СОДЕРЖАНІЕ: Кузина Бетси.—Изъ случайныхъ встрѣчь.—Дуся.—По домашнимъ обстоятельствамъ.—На морское берегу.—Въ южной глуши.—Сельская школа.—Анадимическая студія: I. Лемтужниковъ. II. Пейзажистъ съ дочкой. III. Силоамская купель.—Подъ спѣломъ.—Передъ баломъ.—Музыкальный вечеръ.—Литературное чтеніе.—Наши педагоги.

Всѣ разказы написаны живымъ языкомъ и читаются съ большимъ интересомъ. Красивый томъ в 8^и (486 страницъ), на лучшей веленовой бумагѣ, съ массою виньетокъ въ текстѣ.

Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колонкор. переплетѣ 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ЧЕРЕЗЪ ЧЕРНОЕ МОРЕ НА БОСФОРЪ.

Соч. П. П. Гнѣдича.

Съ 60-ю рисунками М. М. Дальневича.

Книга эта—путевая замѣтки автора, приобретающія особенный интересъ потому, что его поѣздка въ Константинополь совпала съ тремя случайностями: гибелью парохода „Бладимиръ“ на Черномъ морѣ, холерными карантинными на Босфорѣ и землетрясеніемъ въ Стамбуль. 60 рисунковъ, прекрасно выполненныхъ известнымъ иллюстраторомъ М. М. Дальневичемъ, воспроизведены по наброскамъ изъ путевыхъ альбомовъ автора и по фотографіямъ съ натуры. Многие изъ видовъ Босфора появляются въ этой книгѣ впервые. Вообще, несмотря на небольшой форматъ, наше изданіе можетъ смѣло конкурировать съ лучшими путевыми альбомами, изданными за границею, и представляетъ живой интересъ, знакомя читателя со столицей Турціи, священной для насъ по воспоминаніямъ о древней Византіи и по связямъ, начавшимся съ нею еще въ эпоху Олега и Владимира.

Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 20 коп.

„Пьесы“ И. Н. ПОТАПЕНКО.

Содержаніе: Жизнь. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—Чужіе. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—Волшебная сказка. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—Лишенный правъ. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—Букетъ. Комедія въ 1-мъ дѣйствіи.—На лонѣ природы. Шутка въ 1-мъ дѣйствіи.

Пьесы: „Жизнь“, „Чужіе“, „Волшебная сказка“, „Букетъ“ и „На лонѣ природы“ безусловно дозволены цензурою къ представленію.

Изящно изданная книга въ 8-ю д. л., СПБ. 1902 г.

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.; въ перепл. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

„Пьесы“ АНТ. П. ЧЕХОВА.

2-е изданіе.

Содержаніе: Медвѣдь. Шутка въ 1-мъ дѣйствіи.—Предложеніе. Шутка въ 1-мъ дѣйствіи.—Ивановъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—Лебединая пѣсня (налкасъ). Драматическій этюдъ въ 1-мъ дѣйствіи.—Трагикъ по неволѣ. Шутка въ 1-мъ дѣйствіи.—Чайна. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—Дядя Ваня. Сцены изъ деревенской жизни въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—Свадьба. Сцена въ 1-мъ дѣйствіи.—Юбилей. Шутка въ 1-мъ дѣйствіи.—Три сестры. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—Всѣ эти пьесы безусловно дозволены къ представленію.

Изящно изданная книга, отпечатанная на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, въ 8-ю д. л. СПБ. 1902 г.

Цѣна 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 75 к.; въ красивомъ колонк. переплетѣ—2 р., съ перес.—2 р. 30 к.

Имѣются также въ продажѣ слѣдующія 3 отдѣльных изданія „пьесы“ А. П. Чехова по цѣнѣ съ пересылкою:

- 1) ТРИ СЕТРЫ“. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 60 к., лучшее изданіе—75 к.
- 2) ДЯДЯ ВАНЯ“. Сцена изъ дерев. жизни въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 50 к.
- 3) ТРИ ПЬЕСЫ: „Свадьба“, Сцена въ 1-мъ дѣйствіи.—„Юбилей“, Шутка въ 1-мъ дѣйствіи.—„Три сестры“. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 75 к. Последнее изданіе—для лицъ, приобретающихъ „Пьесы“ А. Чехова (VII томъ) въ первомъ изданіи, въ которое эти три пьесы не вошли.

НОВЫЙ СКИТЬ.

Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ.

G N E D I C H

Л. Л. ТНЪДИЧЪ.

„NOVYI SKIT“

НОВЫЙ СКИТЬ.

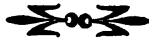
ПЬЕСА

въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Пьеса «Новый Скитъ»

БЕЗУСЛОВНО ДОЗВОЛЕНА ЦЕНЗУРОЮ КЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЮ.

(„Правительственный Вѣстникъ“, 25 ноября 1903 г., № 259).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издаше *Л. Ф. Маркса.*
1903.

1*

Slav 4341. 15, 40
✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 октября 1903 г.

МРТИР

Арт. зав. А. Ф. МАРША, Измайл. пр., № 29.

ОТЪ автора.

Авторъ позволяетъ себѣ обратить вниманіе артистовъ и режиссеровъ на тонъ исполненія «Новаго Скита». Главной и основной чертой этого тона должна быть искренность, или, вѣрнѣе — убѣжденность дѣйствующихъ лицъ. Всякое подчеркиванье, желаніе вызвать смѣхъ, стараніе придать данной фразѣ комической отпѣнокъ—совершенно не входятъ въ задачу автора.

Люди, образовавшіе «Скитъ», не умны, но и не глупы. Тѣ, что проще, — приняли на вѣру принципы общины; кто по-культурнѣе — отъ чистаго сердца проповѣдуетъ свои догматы, не замѣчая, что порою договаривается до нелѣпостей. Но и тѣ, и другіе вѣрятъ въ святость и чистоту своего дѣла. Всѣ они скорѣй односторонники, чѣмъ ограничены. То, что въ постороннемъ человѣкѣ можетъ вызвать ироническую улыбку, высказывается ими съ убѣжденной серьезностью. Такова сцена разказа Суценко о лошадахъ, зашедшихъ въ овецъ. Если артистка задумаетъ провести это явленіе въ оживленно-комическомъ тонѣ — отъ намѣреній автора ничего не останется. — Тонъ простоты, —

иногда напускной,—чувствуется во всякъ рѣчахъ, и больше всего въ разговоръ основателя «Скита»—Зотова. Когда онъ прощается съ товарищами, покидая «Скитъ»,—голосъ его твердъ, рѣчь носитъ апостольскій характеръ,—но никакихъ слезъ, никакихъ вибрацій не должно слышаться въ его рѣчи.

«Скитскіе» собрались, чтобы «привести душу въ порядокъ», «найти просторъ для личности». Тезисы эти даже въ рѣчахъ такой недалекой и некультурной женщины, какъ Сущенко, должны, несмотря на свою журнально-прописную мораль, носить характеръ искреннихъ убъжденій. Мелкіе раздоры не только не разъединяютъ членовъ общины, а, напротивъ, придаютъ ихъ сожитію окраску страстнаго преслѣдованія намъченной ими цѣли.

Два лица являются диссонансомъ въ общей группѣ: докторъ Баклансъ и Пепулевичъ. Первый—убъжденный эгоистъ, живущій въ «Скитѣ» напѣдами; второй—изломанный подъ ударами жизни, спившійся въ омутъ актерской цыганщины, но «неуасившій огня» человекъ. Онъ на той ступени паденія, откуда всегда можно не только шагнуть внизъ, но и подняться. Его ломаніе хотя и дурного тона, но оно не проявляется въ грубыхъ подчеркиваньяхъ. Лицо его всегда серьезно, жестовъ мало; онъ держится съ достоинствомъ, иногда небрежно. Если исполнитель внесетъ въ свою игру черты Расплюева, Аркашки или Шмама,—онъ совершенно отступитъ отъ авторскаго замысла.

Насколько спокойны и сдержаны Зотовъ и Боровиковъ, настолько же горячи Анакушинъ, Чуковинъ и Бушмаринъ. Страстность присуща и первымъ двумъ, но она не выражается ни громкими подъемами голоса, ни рѣзкими же-

стами. Напротивъ, трое послѣднихъ иногда возвышаютъ голосъ до крика, рѣжутъ руками воздухъ, ударяютъ по столу кулаками. Зотовъ много-много, если начнетъ нервно перебирать пальцами бороду или сожметъ по-старчески губы.

Общее впечатлѣніе картины должно быть таково, чтобы зритель согласился съ мнѣніемъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ: «...Здѣсь все люди хорошіе, право, лучше чѣмъ въ другомъ мѣстѣ,—все честные, трудящіеся, прямые. А недостатки въ нихъ есть, какъ у всѣхъ людей... Можетъ-быть, много въ нихъ смѣшного,—но смѣшного въ насъ самихъ, быть-можетъ, въ десять разъ больше...»

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гаврила Петровичъ Зотовъ, основатель общины «Новый Скитъ».

Боровицкій, профессоръ живописи.

Наталья Константиновна Липовецкая.

Чуковинъ.

Пепулевичъ.

Апанушинъ.

Маня Сущенко.

Аня Холодовская.

Бушмаринъ.

Лида, жена его.

Лида

Женя } ихъ дѣти, дѣвочки 8—6 лѣтъ.

Баклансъ, докторъ.

Левъ Борисовичъ Макшановъ.

Покромовъ, присяжный повѣренный.

Ариша, прачка, здоровая молодая баба.

Члены общины—мужчины и женщины,—всего человѣкъ пятнадцать.

Дѣйствіе— на югѣ Россіи, въ посѣлкѣ «Новый Скитъ».

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дворикъ передъ мазаной, крытой очеретомъ, хатой. Хата подъ угломъ идетъ со второго плана, справа отъ зрителя, на четвертый планъ къ серединѣ сцены. У хаты—крылечко съ навѣсомъ; по бокамъ его—по два окошечка со ставнями. Отъ хатки идетъ мазанный заборъ—сперва вглубь, потомъ подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на зрителя и идетъ къ первому плану нальво, прерываясь въ глубинѣ воротами. Справа первые два плана заполнены плетнемъ. По стѣнахъ—малвы и подсолнечники, вербы, черешни и пирамидальные тополя. За заборомъ—дорога, крыши соседнихъ хатъ. Дальше—степь и синеватая гора на горизонтѣ. Направо у крыльца—два стола простыхъ, грубыхъ и нѣсколько табуретовъ. Налѣво подъ яблоней—столикъ, врытый въ землю, и два пенька. Посрединѣ—груды накошеннаго сѣна. На заборъ сушится выстиранное платье: женскія кофточки, юбки и платки. — Золотисто-багряный свѣтъ заката.

I.

Боровицкій, съдой красивый старикъ, лежавшій на снѣгъ, притоднялся на руку и говоритъ съ подошедшимъ къ нему **Макшановымъ**—сорокалѣтнимъ блѣднымъ брונетомъ. **Боровицкій** въ синей блузѣ и панталонахъ на-выпускъ. **Макшановъ** одѣтъ по-городски.

Боровицкій.—Хорошо доѣхали?

Макшановъ.—Чудесно. Въ степи — цвѣты, благоуханіе, солнце.

Боровицкій.—Неожиданно! Какъ вы узнали про нашъ смиренный кутъ,—вамъ писали?

Макшановъ.—Меня Зотовъ пригласилъ. Я давно интересовался этимъ поселкомъ. Много слышалъ, читалъ.

Боровицкій.—Ну, о насъ-то не писали: мы эту рекламу обгъгать старались по мѣрѣ возможности.

Макшановъ.—Не о васъ, но о подобныхъ же скитахъ читалъ. Какъ я радъ, что и вы здѣсь,—вотъ ужъ никакъ не рассчитывалъ встрѣтиться.

Боровицкій.—Ложитесь-ка рядомъ на сѣно. Чемоданы-то ваши гдѣ?

Макшановъ.—Въ комнатѣ Зотова. — А вы гдѣ же обитаете, по сосѣдству?

Боровицкій.—Мы вмѣстѣ живемъ: онъ ту половину хаты занимаетъ, а я—эту.

Макшановъ (*садится рядомъ*).—На этюды пріѣхали?

Боровицкій.—Я живопись бросилъ.

Макшановъ.—Какъ такъ?

Боровицкій (*потягиваясь*).—А зачѣмъ она?

Макшановъ.—Какъ зачѣмъ? Да вѣдь это ваше дѣло. Вы вѣдь ничего другого дѣлать не умѣете.

Боровицкій.—Я косить умѣю. Вотъ это сѣно (*показываетъ вокругъ*)—моя работа. А живопись—это, другъ милый, праздное занятъе, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ я сю занимался. Ни Веласкеса, ни Рембрандта изъ меня не вышло, такъ, мазня какая-то.

Макшановъ.—Что вы наговариваете на себя! Вы вѣдь профессоръ?

Боровицкій.—Мало у насъ этого добра! Живопись хороша постольку, поскольку она выражаетъ идею, поскольку она вліяетъ на сердце. А я чувствую одряхлѣніе, нѣтъ прежняго жара, упоенія работой. Я знаю, вы не согласны съ этимъ взглядомъ, вы требуете отъ искусства первымъ долгомъ формы. Мы съ вами объ этомъ когда-то на пере-

движной спорили. А я вот теперь, въ шестьдесятъ лѣтъ, не гонюсь за формой: для меня она не существуетъ. Я чувствую только проступающую сквозь нее живую мысль— и больше ничего.

Макшановъ (*нервно поводя плечами*).— Ну, объ этомъ можно спорить долго и много.

Боровицкій (*укладываясь поудобнѣе*).— Давайте спорить долго и много.

Макшановъ (*сбрасывая шляпу*).— Не теперь. А какъ-нибудь поспоримъ. Теперь я усталъ съ дороги. А гдѣ же Зотовъ?

Боровицкій.— Въ полѣ.— Ну, такъ рассказывайте, чего васъ сюда принесло?

Макшановъ.— Хочу посмотрѣть на васъ: какъ вы тутъ въ чистотѣ живете.

Боровицкій (*повернулся на спину, заложилъ руки подъ затылокъ и глядитъ въ небо*).— Живемъ.

Макшановъ.— Отчего никого не видно въ поселкѣ?

Боровицкій.— На работѣ всѣ. У меня сегодня ревматизмъ разыгрался, такъ я не пошелъ туда. Преподлая болѣзнь, всю ночь не спалъ. А то работаемъ. Что же, и вы къ намъ пристанете?

Макшановъ.— Да что-жь, пожалуй... А Зотовъ что дѣлаеть?

Боровицкій.— Что Зотовъ! Человѣкъ выдержки и невозмутимости изумительной. Я до сихъ поръ иногда вскипаю. А онъ спокоенъ, незлобивъ. Вѣдь здѣсь, въ сущности, все его: онъ все, что вы видите, купилъ и роздалъ надѣлами. Впрочемъ, я за свои полхатки внесъ въ общую кассу сто рублей. У насъ вѣдь касса общая. Вамъ тоже придется отдать туда свои деньги.

Макшановъ (*высоко поднявъ брови*).— Вѣдь я къ вамъ не на житье, а только гостемъ. Сто рублей я, пожалуй, тоже дамъ, а тамъ буду присматриваться.

Боровицкій (*все лежа на спинѣ, показываетъ рукой на-*

верхъ).—Вѣдь вотъ этого тона никакими красками не передашь: сплошная глубина безъ цвѣта. Не то одинъ свѣтъ, не то—одна чернота... Что-то есть въ этомъ призывное: тянетъ наверхъ.

Макшановъ.—У васъ брачныя отношенія допускаются?

Боровицкій.—Д-да... хотя смотрятъ косо... А вотъ насчетъ амура—совсѣмъ строго. Когда я пріѣхалъ сюда съ Наташей, на насъ здѣшнее старичье стало коситься: вообразили, что это моя любовница. Это въ шестьдесятъ-то лѣтъ!

Макшановъ.—Такъ что женъ съ мужьями здѣсь нѣтъ?

Боровицкій.—Есть одна пара—Бушмарины. Живутъ какъ разъ за плетнемъ. Двое рябятишекъ у нихъ. Славныя. Я съ нихъ этюдикъ написалъ.

II.

Наташа *изъ хаты вошла нѣсколько раньше и быстро снимаетъ съ забора кофточку и платки.*

Боровицкій *(продолжая)*.—Это она васъ сконфузилась и свои кофточка прибираетъ.

Наташа.—Я не сконфузилась,—но думаю, что при чужомъ человѣкѣ это какъ-то неловко.

Боровицкій.—Что же тутъ неловкаго? *(Макшанову)* Вѣдь это она сама стираетъ.—Самопомощь! Иди сюда, Наташа, садись къ намъ.

Наташа.—У меня тамъ работа осталась.

(Садится на сѣно).

Макшановъ.—Что же вы работаете?

Наташа.—Блузы шью на весь «Скитъ». Носятъ платье неаккуратно — дерутъ очень. Да еще рябятишки завелись. Ну, и себѣ приходится платье шить. Видите: эта кофточка и юбка моей работы. *(Приподнимаетъ слегка руки)*. Я выписала изъ города швейную машину, — такъ теперь скоро дѣло пойдетъ. А вы къ намъ надолго?

Макшановъ.— Не знаю, какъ поживется.

Наташа.— Поживите.

(Трогаетъ свои волосы, чувствуя, что они сбились, распускаетъ ихъ; нѣкоторыя шпильки бросаетъ на колѣни, одну беретъ въ зубы).

Боровицкій.— Сама бѣлье моетъ, а шпильки настоящія черепаховыя!

Наташа.— Откуда же мнѣ взять другихъ, когда у меня только эти...

Боровицкій.— Охра, терръ-де-сіенъ и жженая кость...

Макшановъ.— Что?

Боровицкій.— Волоса у нея,—я краски называю.

Макшановъ.— Вы замужемъ?

Наташа *(все еще не вынимая изо рта шпильку).*— Я не живу съ мужемъ.

Боровицкій.— Она только два года съ нимъ жила. Оказался прохвостомъ во всю щеку. Знаете, такіе бываютъ: во всю щеку. Понятно?

Макшановъ.— Понятно.

Боровицкій.— Она прекрасно сдѣлала, что ушла. Я ей и отдѣльное свидѣтельство на жительство достала.

Наташа *(перебиваетъ, — ей видно разговоръ былъ непріятенъ, она сдвинула брови).*— Къ тебѣ сейчасъ Бушмаринъ придетъ.

Боровицкій.— Пусть приходитъ. Вотъ Макшанова съ нимъ познакомимъ. Это изъ лучшихъ нашихъ.

Наташа.— Онъ лучше всѣхъ здѣсь.

Макшановъ.— Какъ вы день проводите? Рано встаете?

Боровицкій.— Съ восходомъ. Идемъ прямо на работу: кто въ поле, кто за водой, кто въ стадо. Въ девятомъ часу—общій чай. Въ полдень—обѣдъ. Мясa не ѣдимъ.

Макшановъ.— По общему соглашенію?

Боровицкій.— Нѣтъ, мясникъ къ намъ не ѣздитъ, а куръ и телятъ никто бить не хочетъ.

Наташа.—Курь больше ястребъ уносить.

Макшановъ.—А рыбу ѣдите?

Боровицкій.—Рыбы у насъ пропасть. Уху ѣдимъ, раковъ.

Маншановъ.—Да вѣдь и рыбу бить надо: все равно живую обь уголь?

Наташа.—Я тоже говорю, что это непослѣдовательно. Коли не ѣсть убойны, такъ какъ же можно живыхъ раковъ въ кипятокъ бросать? Можетъ, у рака такая же душа, какъ у Зотова.

Боровицкій (*метнувъ на нее недовольный взглядъ*).—Нѣтъ, этого не можетъ быть.

Наташа.—Почему?

Боровицкій.—Въ низшую форму не можетъ быть внесенъ духъ высшаго порядка.

Наташа.—А мнѣ кажется, все это одно и то же: только въ тебя отпущено больше души, а вотъ въ этого муравья, что ползетъ,—меньше. Вотъ видишь: муравей остановился, прислушивается къ тому, что я говорю. Ты можешь дать слово, что онъ не понимаетъ моихъ словъ?

Боровицкій (*протяжно свистнувъ*).—Вотъ что я тебѣ скажу. Человѣкъ тѣмъ отличается отъ животнаго, что онъ сознательно трудится. Завѣтъ, данный человѣку: «въ потѣ лица обрабатывай землю». Это основаніе нашего бытія. Заповѣдь завѣта новаго—любви къ ближнему не нарушаетъ перваго завѣта. Понятіе о необходимости труда можетъ быть внушено и животному высшаго порядка. Есть лошади, которыя съ удовольствіемъ работаютъ, если ихъ не переутомляютъ. Лайки, такія собаки на сѣверѣ, я самъ видѣлъ, охотно шли въ упряжь. А птица, муравей—тѣ не работаютъ: они инстинктивно вьютъ гнѣзда, устраиваютъ муравейникъ, заботятся о самозащитѣ. Трудъ во имя самаго труда,—вотъ цѣль нашей жизни. А на такую работу способенъ только человѣкъ,—и онъ можетъ и долженъ любить трудъ.

Наташа (*улыбаясь*).—А вотъ я не могу сознательно по-

любить трудъ мытья половъ, или стирки бѣлья не на себя, а на другихъ.

Боровицкій.—Еще молода, испорчена воспитаніемъ.

Макшановъ (*трогая свои мускулы*).—Я когда-то косилъ. Попробую завтра съ косою размяться.

Боровицкій.—Дѣло! Я тоже завтра выйду на работу. Лѣкаришко нашъ обѣщалъ, что завтра мнѣ будетъ лучше.

Наташа.—Зотовъ идетъ. Надо самоваръ давать. Ариша, Ариша! (*Идетъ на крыльцо*). Ариша, милая,—давай самоварчикъ, вскипѣлъ ли?

III.

Изъ воротъ выходитъ Зотовъ, обвѣтренный, загорѣлый, съ палкой въ рукахъ. Ему на видъ лѣтъ за пятьдесятъ, но лицо румяное и крѣпкое. Взглядъ спокойный, ласкающій, глубокій. Волосъ осталось немного, борода сильно посѣдѣла. На немъ блуза, высокіе сапоги, маленькая бѣлая фуражка. Онъ прищурясь смотритъ на новаго человека, потомъ узнаетъ.

Зотовъ.—А! Макшановъ! Очень радъ.

(Цѣлуетъ трижды гостя).

Макшановъ.—Наконецъ-то попалъ къ вамъ.

Зотовъ.—Дай Богъ никогда не разставаться. Поживите здѣсь. Спокойно у насъ, тихо.

Боровицкій.—Ну, не скажи: иногда такъ страсти кипятъ...

(Арина ставитъ на столъ самоваръ. Наташа хлопочетъ съ чаемъ).

Зотовъ (*обтирая лобъ и затылокъ платкомъ*).—Слабъ человекъ! Совладать не можетъ съ собою: кипятъ неподдавленные страсти. Погодите, придетъ время—все остынетъ.

(Присаживается съ усталымъ видомъ на табуретъ).

Боровицкій.—А что сказано о простывающемъ и тепломъ?

Зотовъ.—Не въ томъ смыслѣ, другъ мой, не въ томъ. (*Къ Макшанову*) Ну, а вотъ не знаю, какъ вы нашими хоромами будете ли довольны. Не покажется ли ужь-слишкомъ скудно?

Макшановъ.—Я не прихотливъ.

(Присаживается противъ него).

Зотовъ.—Ну, и прекрасно. Главное, не стѣсняйтесь, дѣлайте, что хотите. Только не заводите вина: это единственно, противъ чего мы возстаемъ. Вино у насъ выдается только докторомъ, какъ лѣкарственное средство.

Макшановъ.—Отъ вина я могу совсѣмъ отказаться.

Зотовъ.—И прекрасно сдѣлаете. Вино—это концентрація такихъ элементовъ, которые даютъ нашему сознанию возможность вступать въ новую сферу и со стороны видѣть то, что до поры до времени мы не должны видѣть... Ну, да объ этомъ потомъ когда-нибудь... Вы удачно приѣхали: сегодня у насъ митингъ, или по-русски—соборъ. Вотъ послушаете, какъ у насъ говорятъ, посмотрите всѣхъ въ сборѣ. Съ вами большинство знакомо по вашимъ статьямъ, васъ многіе любятъ и цѣнятъ. Встряхнитесь здѣсь отъ города. Много у насъ слабого, недодуманнаго, но много и правды, много того, что наведетъ васъ на размышленія. Вы талантливы, наблюдательны, чутки. Присмотритесь къ намъ. Право, есть кое-что хорошее, свѣтлое, простое. Нашъ скитъ — не монастырь. Здѣсь и мужчины, и женщины; но у насъ на первомъ планѣ чистота духа и плоти. Мы хотимъ быть дѣтьми... Это не такъ наивно, какъ инымъ кажется. Дѣло наше маленькое, мелкое. Но какъ мала та капля снѣга, что впервые появляется подъ лучами весенняго солнца! А потомъ изъ нея вырастаютъ ручьи, потоки, и сбрасывается ледяная кора, что давитъ живыя силы. Мы всѣ люди испорченные условностями, прилипшими къ намъ отъ нашей среды взглядами, испорчены воспитаньемъ, ученьемъ, привязанностями, привычками, слабостями. Вотъ и хотимъ мы

по возможности сбросить съ себя все злое, все мѣшающее чистотѣ духа... Объ этомъ вѣдь стоитъ подумать? Васъ ни къ чему не обязываетъ пребыванье у насъ. Вы можете уѣхать хоть завтра. Но я знаю, вы не уѣдете.

Макшановъ.—Я тоже думаю, что не уѣду.

Наташа.—Чай готовъ. Садитесь, господа. Двигайтесь къ самовару. Хлѣбъ, масло.

(Всѣ подсаживаются ближе.)

Макшановъ.—Я ѣхалъ сюда, спрашиваю ямщика: ну, кто въ култѣ живетъ? «Господа, говоритъ, пришлые, изъ обѣд-нялыхъ которые, тонконогіе. Люди тихіе—безъ дебошей и пьянства».

IV.

На плетнѣ справа появляется Бушмаринъ, — тоненькій узкокостный, но мускулистый. Бородка клинышкомъ, какъ струнуть въ городахъ; брови широкія, густыя. На голову соломенная шляпа; синяя блуза, подпоясанная ремнемъ.

Бушмаринъ *(съ забора)*.— Можно, Наталья Константиновна?

Наташа.— Можно, идите, у насъ чай, садитесь, Петенька.

Бушмаринъ *(спрыгивая, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ столу и, видя незнакомаго, вѣжливо приподнимаетъ шляпу)*.

Зотовъ.—Познакомьтесь: Бушмаринъ, Макшановъ.

(Мужчины жмутъ руки).

Бушмаринъ *(нѣсколько картавя)*.— Очень пріятно *(садится)*. Радъ, что захватилъ васъ до засѣданія, господа. Я по дѣлу большой важности.

Зотовъ *(принявъ отъ Наташи огромную чашку)*.— Слушаемъ.

Бушмаринъ *(волнуясь)*.— Сегодня днемъ, на работахъ я имѣлъ столкновеніе съ Чуковиннымъ. То-есть столкновенія собственно не было, но я принужденъ былъ выслушать

цѣлый рядъ намековъ и поученій, что считаю совершенно лишнимъ, потому что хочу жить съ наименьшей зависимостью и наибольшимъ просторомъ для личности.

Боровицкій (*тоже взявъ чашку*).—Да въ чемъ же дѣло?

Бушмаринъ.—Все по поводу Лидочки...

Зотовъ (*Макианову*).—Это жена его Лидочка.

(*Намазываетъ хлѣбъ масломъ*).

Бушмаринъ.—Зачѣмъ она столько времени удѣляетъ ребятамъ...—это, видите, эгоизмъ. Онъ говоритъ, что мы являемся вреднымъ примѣромъ для другихъ, что мы не достаточно альтруистичны, отдаваясь семьѣ, а не обществу... И все это говорится вслухъ, тономъ проповѣди... Да что, я—крѣпостной, что ли? Да чортъ его побери! Я возьму Лидочку, заберу дѣтей и уйду. Я вообще не этого ждалъ, когда сюда ѣхалъ. Помилуйте, — изъ-за выписки піанино цѣлый бунтъ.

Наташа.—Берите чашку, Петенька.

Бушмаринъ.—Спасибо.

Зотовъ.—Ну, съ піаниномъ—дѣло прошлое.

Бушмаринъ (*Макианову*).—Понимаете, я свое, свое собственное піанино выписываю сюда, потому что и самъ играю, и вотъ Наталья Константиновна отличная музыкантша. Въ зимніе вечера что же дѣлать? Отчего же не поиграть? Въ такихъ же сѣтахъ, какъ нашъ, на Черномъ морѣ никто не протестовалъ ни противъ роаяля, ни противъ бібліотеки! Такъ, видите, цѣлая буча поднялась. Приѣхала Лидочка съ дѣтьми—опять скандалъ. Вѣдь я предупредилъ, что она мнѣ ни сестра, ни племянница, а законная жена. Теперь претензіи на то, что она моею ежедневно дѣтей. Чуковинъ говоритъ: «а вдругъ у васъ еще родится третій?»...

Зотовъ.—Такъ чего же ты хочешь?

Бушмаринъ.—Я хочу поставить этотъ вопросъ на разсмотрѣніе общаго собранія. Я хочу, чтобы всѣ высказали

свое мнѣніе. Если я нарушаю нравы и обычаи общины,— я плюну на все и уйду...

Боровицкій.—Ты чашку опрокинешь, не махай такъ руками.

Зотовъ.—Я не прочь: заяви сегодня же. Пусть всё выскажутся.

(Слышны звонки возвращающагося стада).

Макшановъ *(смотритъ съ своего мѣста черезъ ворота).*— А у васъ и пастухъ въ пиджакѣ?

Наташа.—Это Пепулевичъ, сочленъ нашего братства. Онъ, кажется, актеромъ былъ прежде *(кричитъ)*. Пепулевичъ! чаю хотите? Если хотите, идите. У насъ скоро засѣданіе начнется.

Голосъ Пепулевича.—Сейчасъ! Только коровенокъ загоню.

Зотовъ *(Бушмарину).*—Главное, не горячись, будь спокоенъ. Ты Чуковина знаешь, знаешь его воззрѣнія. Старика не передѣлаешь. Прямо передъ засѣданіемъ ты и заяви свою претензію, и попроси другихъ высказаться.

Бушмаринъ.—Спасибо, мнѣ только этого и надо.

V.

Пепулевичъ. *Пиджакъ люстриновѣй, коротенькій, широкополая шляпа, панталонъ тоже короткія. Все старо, заплялено, выортоло. Лицо бритое съ педью назадъ.*

Наташа.—Идите скорѣй!

Зотовъ.—Познакомьтесь: Пепулевичъ — нашъ скитскій; **Макшановъ** — писатель, публицистъ, философъ.

Пепулевичъ.—Искренно радъ. Пастухъ мѣстной интеллигенціи *(крѣпко жметъ руку)*. Чайку не дурно.

Наташа.—Хлѣба, масла?

Пепулевичъ.—Натурально.

Макшановъ.—Стадо у васъ небольшое, кажется?

Пепулевичъ.—Мизерное-съ. Да и коровенки напоминаютъ

тѣхъ, что видѣлъ во снѣ египетскій фараонъ, — только не тучныхъ, а тощихъ.—Но я не жалуясь,—понимаю пастушескія племена, и иногда самъ себѣ кажусь Лаваномъ, пасущимъ пестренъкихъ овецъ ради Ревекки.

Зотовъ.—Не буфонъ, Пепулевичъ!

VI.

Изъ воротъ—Чуковинъ, широколобый, кудряватый старикъ съ пышной бородой, и Бакланъ,—лѣтъ подь сорокъ, плотный человѣкъ, съ близко подстриженной черной бородой.

Пепулевичъ (Макшанову).—Вотъ извольте видѣть: составилось мнѣніе, что я всѣхъ выпучиваю. А если правду сказать, меня здѣсь только поэтому и терпятъ, что я никогда мраченъ не бываю. Здѣсь всѣ мрачны,—точно артезіанскіе колодцы сверлятъ, или купоросомъ отравились. А я, видите, не унываю, поддерживаю въ нихъ настроеніе,—и вотъ за это награда.

Наташа (говорящая въ глубинѣ съ Чуковинымъ, подходитъ къ Зотову).—Васъ на минуту просить. Чаю не будете больше?

Зотовъ.—Нѣтъ! *(Встаетъ и идетъ въ глубину къ Чуковину).*

Пепулевичъ (принимаетъ отъ Наташи стаканъ).—Тропуги! *(Макшанову).* Отойдемте, многоуважаемый, къ стоникъ.—Тутъ дѣла важныя, да и къ засѣданію будутъ готовиться.

Макшановъ.—Какъ, развѣ засѣданіе будетъ здѣсь, на дворѣ?

Пепулевичъ.—А чѣмъ худо? Въ комнатахъ душно, мухи. А здѣсь—этотъ сводъ, этотъ величественный, сверкающій блескомъ куполь,—какъ говорить умный принцъ Гамлетъ... Сядемте лучше здѣсь *(салятся у столика нальво).* Да-съ,—а ужъ кому бы унывать, какъ не мнѣ. Былъ я землевладѣлецъ, въ подгорастья тысячь имѣнье спустилъ, и изъ рангера въ свинопасы превратился, а ничего, не унываю.

Макшановъ.—Какъ же это вы имѣнія лишились?

Пепулевичъ.—Просто, въ карты проигралъ. Пошелъ въ актеры. У насъ съ хорошей жизни въ актеры не идутъ.— Потомъ пить началъ, такъ что держать нигдѣ не хотѣли. Пришелъ сюда. Здѣсь чудесно. Никто не желалъ въ па- стухи идти, а я пошелъ. Цѣлый день играю эту пастораль, плету картины и потихоньку сбываю ихъ въ сосѣдній го- родъ, а на вырученныя деньги изрѣдка доставляю себѣ тайныя наслажденія.—Вы къ намъ погостить?

Макшановъ.—Да, меня Зотовъ звалъ. Что, довольны имъ?

Пепулевичъ.—Помилуйте, да развѣ можно быть имъ не- довольнымъ? Вѣдь это такой деликатесъ, что и вообразить нельзя. И притомъ характеры! Человѣкъ тонкій. Онъ го- раздо тоньше, чѣмъ вы думаете. Онъ смотритъ святымъ взглядомъ, а самъ на двѣ сажени подъ землю видитъ. Со мной случай одинъ былъ... (*оглядывается*). Только это, ко- нечно, между нами?

Макшановъ.—Ну, конечно...

Пепулевичъ.—Въ первое время по моему пріѣздѣ я, — какъ уже докладывалъ вамъ,—находился надъ влияніемъ спирта.—Сами знаете: сразу при этомъ состояніи бросить пить невозможно — натура требуетъ постепенности. — Прожилъ я здѣсь мѣсяць, и засосалъ меня червячокъ. Тоскую, мѣста не нахожу. Пошелъ прямо къ Зотову, раз- сказалъ ему про свое состояніе. Онъ вынулъ изъ кармана пять рублей и говорить:—«это тебѣ на три дня,—уединись и напейся. Когда протрезвишься, возвращайся обратно»... Какое психіатръ, какъ онъ человѣческую натуру знаетъ?

Макшановъ.—Ну, и вы его рецептъ выполнили?

Пепулевичъ.—Выполнилъ. Вернулся—ни въ одномъ глазѣ. Никто не имѣетъ права спросить, гдѣ былъ: понимаете свобода личности и непротивленіе. Такъ я два раза ухо- дилъ. Благороднѣйшій человѣкъ.

Макшановъ.—У него, вѣдь, большія средства?

Пепулевичъ.—Хо-хо! Онъ—сыроваръ. То-есть братья его сыровары. Огромныя дѣла дѣлають. Да еще помѣстья у нихъ съ дѣвственными лѣсами на сплавныхъ рѣкахъ. На его долю въ годъ приходится тысячь пятьдесятъ.

Макшановъ.—Ну, ужъ и пятьдесятъ!

Пепулевичъ.—Можетъ, не пятьдесятъ—я это такъ сказалъ, а можетъ вѣдь и семьдесятъ—кто его знаетъ. А посмотрите: онъ, не покладая рукъ, работаетъ цѣлые дни. Примѣръ для всѣхъ воздержанности и умѣренности. Вѣдь это только при большомъ капиталѣ и можно такую эпигимью нести.

Макшановъ (оглядываясь).—А много народу собирается.

VII.

Во время предыдущаго разговора Наташа унесла въ домъ самоваръ. Арина вышла, унесла пустыя чашки. Потомъ Наташа что-то сказала Бушмарину и Боровицкому, тѣ встали и помогли ей сдвинуть столы, и обставить ихъ табуретами и стульями, вынесенными изъ дома. Нѣсколько табуретовъ Арина передала имъ черезъ окно. Зотовъ и Чуковинъ были въ глубинѣ, рядомъ съ ними стоялъ и Баклансъ. Потомъ подошли къ нимъ же черезъ ворота Суценко, Апакушинъ, Холодовская. Послѣдніе лучи солнца на трубахъ и на верхушкахъ деревьевъ погасли.

Пепулевичъ.—Это еще не всѣ.

Баклансъ (отойдя отъ Зотова къ Макшанову).—Позвольте познакомиться: докторъ Баклансъ, вашъ поклонникъ. Давно читаю и восхищаюсь.

Пепулевичъ.—Нашъ эскулапъ и Гиппократъ. —Лѣчить даже коровъ и лошадей, и столь же успѣшно, какъ и двуногихъ.—Прелюбодѣй и чревоугодникъ, къ ужасу и позору нашихъ затворниковъ.

Баклансъ.—Я преступаю здѣшнія правила только за границей нашего хутора—въ сосѣднемъ городѣ. Къ нищѣ святаго Антонія не привыченъ.

Пепулевичъ.—Говоришь, медикъ,—за границей. Но mademoiselle Сущенко именно здѣсь очень сильно ударила тебя по щекѣ? Не такъ ли?

Баклансъ.—Тутъ вышло недоразумѣніе. Она превратно истолковала мой діагнозъ.

Зотовъ (*хлопая въ ладоши*).—Ждать больше не будемъ, кто не пришелъ, его дѣло. Занимайте мѣста.

(Всѣ постепенно занимаютъ мѣста у стола, вытянувшася передъ крыльцомъ. Сѣли въ такомъ порядкѣ: спиной къ зрителямъ на концѣ стола Боровицкій. По длинной сторонѣ, спиной къ дому, Бушмаринъ, Сущенко, Зотовъ, далье — Холодовская. Рядомъ съ Боровицкимъ, противъ Бушмарина—пустой табуретъ. Рядомъ съ нимъ Апакушинъ и др. Макшановъ, отодвинувъ табуретъ, сѣлъ нѣсколько въ сторонѣ. Все время не торопливый говоръ. Слышнѣе другихъ замѣчаніе Сущенко;—это некрасивая, маленькая дѣвица лѣтъ подъ тридцать, съ длиннымъ тонкимъ загорлымъ носомъ; причесана гладко, держится скромно, почти конфузливо).

Сущенко.—Опять засѣданіе на дворѣ! Скоро вѣдь темнѣть начнетъ.

Наташа.—А вы развѣ темноты боитесь?

Холодовская.—Не темноты она боится, а онѣ сигать начинаютъ.

Наташа.—Кто онѣ?

Холодовская.—Летучій мыша.

Баклансъ (*падая на спяно*).—Я, господа, предпочитаю не засѣдать, а залежать.

Зотовъ.—Садитесь, Макшановъ, къ столу.

Пепулевичъ.—Ну, ты, на сѣнѣ, подвинься!

Зотовъ.—Всѣ сѣли? Товарищи, я считаю засѣданіе открытымъ. Долженъ васъ предупредить, что у насъ назрѣло много серьезныхъ вопросовъ. А между тѣмъ, нельзя не сознаться, что большинство нашихъ собраній проходитъ въ совершенно излишнихъ словопреніяхъ. Поэтому прошу,— не будемъ многоглагольны.

Пепулевичъ (*съ стѣны, не громко*).—Браво! браво!

Зотовъ.—Первымъ дѣломъ, я бы хотѣлъ рассмотреть заявление Бушмарина. Бушмаринъ, скажи собранію, въ чемъ твое недовольство; но прошу тебя, будь хладнокровенъ, не горячись и взвѣшивай каждое слово.

Бушмаринъ (*поводя шею и плечомъ, точно ему рѣжетъ воротъ*).— Вотъ-съ, что я хотѣлъ... нѣкоторые изъ насъ... То-есть изъ нашей общины, позволяютъ себѣ... (*волнуясь все больше*) прямо высказывать, что неприлично... что будто бы неприлично то, что я здѣсь живу семейно, съ дѣтьми... Конечно, каждый имѣетъ право думать и разсуждать, какъ онъ хочетъ. Но самъ не стѣсняя мнѣнія другихъ, я не могу допустить, чтобы стѣсняли мой образъ дѣйствій и читали мнѣ поученіе. Поэтому я ставлю вопросъ ребромъ (*ударяетъ по столу рукой, показывая, какъ это ребромъ*). Если большинство изъ товарищей моихъ согласны съ мнѣніемъ Чуковина — я уйду изъ общины, не требуя даже внесенныхъ въ общую кассу денегъ. Если же я найду сторонниковъ, то попрошу Чуковина оставить при себѣ свои проповѣди и меня не учить.

Зотовъ (*Чуковину*).—Ты имѣешь что сказать?

Чуковинъ.—Имѣю! Я всегда держался того мнѣнія, что нельзя допускать преобладаніе плоти надъ духомъ. Зачѣмъ мы живемъ здѣсь, уйдя отъ остального міра? Чтобъ, переработавъ себя, побѣдить плоть. Я не противъ того, чтобъ рождались дѣти, пусть рождаются, но не въ нашей общинѣ. Имѣющій вмѣстить да вмѣстить. А у насъ всѣ должны вмѣщать—это мое мнѣніе.

Бушмаринъ (*съ подкой улыбкой*).—Отчего же тогда вы не перестанете ѣсть, Чуковинъ? Я бы вамъ посовѣтовать. Вотъ ужъ вполне была бы побѣда надъ плотью.

Чуковинъ (*спокойно*).—Если бы я не сталъ питать себя, я бы умеръ.

Бушмаринъ.—И чудесно! Тѣло бы умерло, но духъ побѣдилъ.

Чуковинъ (*ко встѣмъ*).—Понимаете, о чемъ я говорю? Бушмаринъ поѣхалъ въ городъ, привезъ дѣтямъ карамелекъ и черносливу, а женѣ одеколону и мыла тридасъ. Это не важно. Но почему у нихъ въ хатѣ тридасы и бульдегомы, когда мы сидимъ на строгой пищѣ? Вотъ, можетъ-быть Сущенко забыла и думать о монпансье,—а ее ребятишки угощаютъ, я самъ видѣлъ.

Сущенко (*вспыхнувъ*).—Я взяла, чтобы не обидѣть ребенка.

Чуковинъ.—Повторяю, это не важно. Но это диссонансъ. У дѣвочекъ чуть не батистовое бѣлье, и на штанишкахъ дворянская корона. Въ городѣ это, быть-можетъ, очень хорошо,—но здѣсь—не по мѣсту.

Апанушинъ (*лысый, чернобородый, съ бѣгающими глазками, лѣтъ сорока. Тонъ убѣжденный, голосъ громкій*).—Ахъ, господа, какимъ мы занимаемся вздоромъ! Ну, стянулись мы въ нашъ кутъ, отрясли прахъ отъ сапоговъ нашихъ, плюнули на все...

Зотовъ.—Зачѣмъ такъ рѣзко... Ни на кого мы плевать не должны и не имѣемъ права.

Апанушинъ.—Ну, ужъ — извини, я не умѣю патоку разводить. Если хочешь — это метафора. Метафорически мы плюнули на весь мѣръ и живемъ здѣсь, работаемъ, трудимся, вѣримъ въ наше будущее, хотимъ любить другъ друга, а не ненавидѣть. Ну, не все ли равно: женатые мы или холостые, есть у насъ дѣти или нѣтъ? Кому охота, тотъ ихъ рождаетъ, кому неохота — вотъ какъ Сущенкѣ и

Холодовской—тѣ остаются одинокими. Бушмаринъ—честный, хорошій работникъ, свѣтло и трезво смотритъ на дѣло. Онъ жену любить не только какъ пріятеля и друга, но какъ и женщину,—ну и на здоровье, намъ какое дѣло! Терять его, позволять ему ѣхать въ другую общину—это сумасшествіе. Если онъ уѣдетъ—и я уѣду.

Пепулевичъ.—Браво Апакушинъ! И я съ вами!

Зотовъ (*Пепулевичу*).—Такъ ты съ нимъ согласенъ?

Пепулевичъ (*встаетъ и садится на свободный табуретъ*).—Я за семейное начало. Только я ставлю вотъ какой вопросъ. Это чьи ноги подъ столомъ?

Бушмаринъ (*сидящій противъ него*).—Мои.

(*Подбираетъ ноги*).

Пепулевичъ.—Я ставлю вотъ какой вопросъ. Мы изолировались отъ всего остального міра, заключены въ оболочку, не пропускающую вліяній извнѣ. Мы клялись на мечяхъ..

Чуковинъ.—Да не ломай шута, говори по-человѣчески...

Пепулевичъ.—Не сердись, Чуковинъ, тебѣ это вредно строптивый старецъ... Мы клялись не заимствоваться ничѣмъ отъ людей, кромѣ керосина и аптечныхъ снадобій. Мы соблюдаемъ свято наше положеніе. Мы превратились въ Робинзоновъ: сами себѣ шьемъ сапоги, платья, шапки, готовимъ кушанья, смотримъ, чтобъ неслись куры, доимъ коровъ. Даже mademoiselle Сущенко...

Сущенко.—Сколько разъ я васъ просила не звать меня mademoiselle. Неужели не можете сказать—дѣвица.

Пепулевичъ.—Ну, будь по-вашему: дѣвица Сущенко въ послѣднее время даже стала не дурно выдѣлывать сыръ. Словомъ, мы все фабрикуемъ на мѣстѣ—и все дѣлаемъ сами... А какъ же мы будемъ поступать съ паспортами новорожденныхъ: сами ихъ фабриковать, или нѣтъ?

Зотовъ (*махнувъ рукой*).—Я думалъ, ты дѣло...

Чуковинъ.—Шутъ гороховый, иди на свое мѣсто... Отчего ты всегда паясничаешь?

Зотовъ.—Ты что-то хотѣлъ сказать, Боровицкій?

Боровицкій.—Хотѣлъ сказать, что мы, какъ всегда, воду въ ступѣ толчемъ. Родится ребенокъ, конечно, окрестимъ его въ городѣ и выростимъ его въ здоровыхъ, хорошихъ понятіяхъ. Намъ радоваться надо, что новое поколѣніе будетъ расти въ нормальныхъ условіяхъ, а не отстраняться отъ него.

Апанушинъ.—Вѣрно! Работать надо и жить по простотѣ, жить, какъ живется.

Зотовъ.—Ну, а вы, Сущенко?

Сущенко.—Я исповѣдую тезисъ Бушмарина: требую полного простора личности.

Зотовъ.—Ну, видишь, Бушмаринъ,—большинство за тебя.

Бушмаринъ (*почти про себя*).—Странно, если бъ было иначе.

Чуковинъ.—Я пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы привести свою душу въ порядокъ. Этого можно достигнуть только при помощи работы, постоянного взвѣшиванья своихъ поступковъ и чистоты жизни. Я ни противъ Бушмарина, ни противъ жены его ничего не имѣю,—но они мнѣ мѣшаютъ, они меня развлекаютъ...

Бушмаринъ.—А вы мнѣ мѣшаете.

Зотовъ.—Что за нетерпимость, други! Ну, если даже вы неприятели другъ другу, сдерживайтесь. Мы—муравьи одного муравейника. Не должно быть между нами пререканій, мы должны быть, какъ братья...

Пепулевичъ (*опять приваливаясь на спяно къ Баклану*).—Каинъ и Абель.

Бушмаринъ.—Я готовъ соблюдать миръ и тишину, если меня не будутъ трогать...

Зотовъ.—Теперь мы можемъ перейти къ текущимъ дѣламъ. Я долженъ, братья, вамъ прочесть отчетъ...

Сущенко.—Позвольте,—я тоже, какъ и Бушмаринъ, имѣла бы кое-что сообщить и желала бы выслушать принципиальное мнѣніе товарищей.

(*Становится темно*).

Зотовъ.—Хорошо.—Согласны, други?

Голоса.—Да, пускай! Говори, Маня. Слушаемъ.

Макшановъ (*присѣвъ на корточки возлѣ Буцмарина, тихо*).—А курить здѣсь можно?

Пепулевичъ (*страшнымъ шопотомъ*).—Сохрани Господи,—вѣдь мы старовѣры.

Сущенко.—Товарищи! Я хочу представить на ваше усмотрѣніе фактъ, имѣвшій мѣсто сегодня утромъ. Мнѣ важнѣе его анализъ, да, думаю, и не одной мнѣ, а для всѣхъ. Попрошу васъ отнестись къ нему безпристрастно.

Зотовъ.—Излагай все по порядку.

Сущенко.—Сегодня утромъ я шла на работу. Проходила мимо овса, я наткнулась на такую картину. Обратный ящикъ, конечно, пьяный, спитъ, завалившись въ телѣгу. Лошади запряжены парой въ дышло; онѣ преспокойно свернули въ нашъ овесъ, ввезли туда телѣжку и ѣдятъ во всю... Спрашивается, что я должна была сдѣлать?

Апакушинъ.—Чего вы наивничаете?

Чуковинъ.—Нѣтъ, это вопросъ серьезный. Гораздо серьезнѣе, чѣмъ вы думаете.

Апакушинъ.—Вы должны были взять лошадей подъ уздцы и вывести ихъ изъ овса.

Чуковинъ.—Ни въ какомъ случаѣ.

Апакушинъ.—Почему же?

Чуковинъ.—Это насиліе.

Апакушинъ.—Это самозащита. Лошади голодны не по нашей винѣ, и топтать нашъ овесъ онѣ не могутъ.

Чуковинъ.—Пусть лучше пропадетъ овесъ, чѣмъ лошади будутъ голодны.

Апакушинъ.—Къ чему же весь нашъ трудъ посѣва? Чтобъ его топтали лошади всякаго пьянаго прохвоста?

Чуковинъ.—Пусть. Мы работаемъ не для выгоды, а потому что такъ надо. Надо было, чтобъ ящикъ какъ разъ здѣсь заснулъ, чтобъ на дорогѣ никого не было, чтобъ

сбоку дороги росъ именно овесъ, который лошади любятъ,— все это совокупность причинъ. Пусть его весь истопчутъ, мы не должны этимъ возмущаться.

Зотовъ (Сущенкѣ).—Какъ же ты поступила?

Сущенко.—Я долго стояла и думала,—что же мнѣ дѣлать. Въ это время проходилъ Иванъ Чмырь изъ круглаго поселка. Увидѣлъ онъ лошадей, пошелъ въ овесъ, вывелъ ихъ и ямщика разбудилъ. Ямщикъ обругался. Тогда Чмырь ударилъ его по шеѣ,—«я, говоритъ, тебѣ, скоту, еще не такъ наложу, коли ты по чужимъ овсамъ ѣздить будешь».

Боровицкій.—А что же ямщикъ?

Сущенко.—Ямщикъ меня удивилъ своей воздержанностью. Я думала, онъ ругаться будетъ; а онъ поправилъ шапку и говоритъ: «а спичекъ у васъ нѣтъ,—мнѣ бы цыгарку закурить?»

Боровицкій.—А Чмырь?

Сущенко.—Чмырь ему закурить далъ.

Чуковинъ.—Ты не должна была допускать, чтобы Чмырь вывелъ лошадей.

Сущенко.—Я и думала сперва остановить; но потомъ мнѣ пришло въ голову: какое же я имѣю право ему препятствовать?

Бушмаринъ.—Позвольте мнѣ сдѣлать къ этому иллюстрацію. Въ комнату залетаетъ оса или шмель и кружится надо мною, желая сѣсть мнѣ на носъ,—такъ какъ онъ хочетъ именно укусить мнѣ носъ. Долженъ я ему противиться, или нѣтъ?

Пепулевичъ.—Браво!

Бушмаринъ.—Далѣе: имѣемъ ли мы право возить на лошади воду, когда она положительно этого не хочетъ? Имѣетъ ли право Чуковинъ поступать съ лошадыо совершенно по-варварски, какъ это было вчера?

Зотовъ.—Что такое было вчера?

(Общее вниманіе обращается на Чуковина).

Бушмаринъ (*не без торжественности*).—Вчера Чуковинъ, совершенно заморивъ лошадь на работѣ, бросилъ ее потную и нераспряженную на самомъ припекѣ. Не знаю, какими этическими задачами задавался онъ, но я знаю, что будь я членомъ общества покровительства животныхъ, такъ подалъ бы на него къ мировому и обвинилъ бы его въ жестокости.

Чуковинъ (*нервно потирая мысину*).—Я не распрягу лошади, потому что долженъ былъ еще разъ съѣздить на рѣчку.

Бушмаринъ (*ехидно*).—На замореной?

Чуковинъ.—Я самъ былъ не меньше заморенъ.

Боровицкій.—У насъ, господа, не разъ поднимался вопросъ объ отношеніяхъ къ животному. Мы изъяли изъ употребленія кнутъ и этимъ самымъ какъ бы подчеркнули, что до изнеможенія нельзя морить лошадь.

Чуковинъ.—Что такое изнеможеніе? Я каждый день работаю до полного изнеможенія силъ, и чувствую себя прекрасно. Почему же я не могу того же требовать отъ лошади?

Боровицкій.—Можешь, но подь условіемъ, чтобъ она чувствовала себя прекрасно, какъ и ты, а вотъ Бушмаринъ утверждаетъ, что она вчера была въ скверномъ состояніи духа.

Чуковинъ (*вставая*).—Это травля какая-то!

Зотовъ.—Постой, куда ты,—у насъ еще засѣданіе не начиналось.

Холодовская.—Смотрите, вонъ ужъ мыша сигааетъ.

Зотовъ (*стараясь разобрать писанное*).—Даже въ очкахъ ничего не вижу. Придется въ сборную избу идти.

Сущенко.—И чудесно!

Боровицкій.—Я говорю, что надо завести двѣ пары садовыхъ подсвѣчниковъ съ стеклянными шарами.

Чуковинъ.—Въ городѣ за нихъ просятъ десять рублей за четыре штуки. Мы на такой расходъ не можемъ идти.

Боровицкій.—Я подарю общинѣ четыре такихъ подсвѣчника, чтобъ не задыхаться по вечерамъ по избамъ.

Чуковинъ.—Предметъ роскоши.

Зотовъ (вставая).—Тогда, други, пойдемте въ сборную. Маня, посмотри, чтобъ свѣчи зажгли.

(Сущенко идетъ въ ворота, всѣ поднимаются).

Пепулевичъ (Макшанову).—Слышали? Чего добраго, со стороны вамъ это показалось пустословіемъ. Это съ не-привычки. Сегодняшній вопросъ для нихъ очень важенъ.

Макшановъ.—Да неужели?

Пепулевичъ.—Вѣдь вы подумайте: основное положеніе Скита—ни въ какомъ случаѣ не противиться злу. И вслѣдствие этого мы залѣзаемъ въ такой лабиринтъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Потушить начинающійся пожаръ—противленіе или нѣтъ? Лѣчить болѣзнь—противленіе? Если вы видите, что пьяная баба бьетъ палкой ребенка, а ребенокъ свертываетъ головы птенцамъ въ гнѣздѣ, можно ихъ остановить, или нѣтъ? Чуковинъ настаиваетъ на непротивленіи; другіе видятъ, что онъ хватается черезъ край.

Баклансъ (подходя къ нему).—Пойдешь туда?

Пепулевичъ.—Нельзя не идти, а только *(оглядывается)*. Вы говорили, что у васъ есть папирасы?

Макшановъ.—Есть.

Пепулевичъ.—Курнемъ, пока никого нѣтъ. Только подалее отъ сѣна. Вотъ сюда, къ столику. И смотрите, чтобъ огня не было видно.

(Всѣ трое усаживаются нальво. Наташа съ Аришей что-то прибираютъ. Остальные постепенно ушли въ ворота).

Пепулевичъ.—Слушай, Баклансъ, что мнѣ въ голову пришло. Вѣдь метрическія свидѣтельства ты бы могъ фабриковать.

Баклансъ.—Это какъ? Ужъ и мнѣ позвольте папираску.

Макшановъ.—Пожалуйста.

Пепулевичъ.—Говорятъ, если ребенокъ родится хилый, то не только докторъ, но даже повитуха можетъ его окрестить и выдать свидѣтельство. Ты самъ-то крещеный?

Баклансъ.—Я католикъ.

Пепулевичъ. Да, вѣдь ты изъ Севильи, или Альпухары. Наталья Константиновна, вы насъ не предадите? Мы тутъ контрабандой занимаемся.

Наташа.—Да мнѣ-то что!

(Уходитъ въ домъ. Лучи отъ мѣсяца постепенно начинаютъ пересиливать темноту сумерекъ).

Макшановъ.—Красивая женщина.

Пепулевичъ *(шепкая языкомъ)*. Да-съ, не по нашимъ воякамъ.

Макшановъ.—Что она—родственница Боровицкому?

Пепулевичъ.—Сіе есть тайна. Даже испанецъ ее не знаетъ.

Баклансъ.—Она ему, кажется, племянница. Они вмѣстѣ пріѣхали, вмѣстѣ поселились, но въ двухъ разныхъ комнатахъ. Даже дверью не соединены.

Пепулевичъ.—Видите, всѣ входы знаетъ. Но и ему самая суть невѣдома. Кстати, лѣкарь: ты не слыхалъ, когда Боровицкій ѣдетъ въ городъ?

Баклансъ.—На той недѣлѣ, кажется.

Пепулевичъ.—Надо съ нимъ увязаться. Онъ притворится недовольнымъ, а въ сущности страшно доволенъ будетъ компаніей.

Баклансъ.—Я знаю, ты опять напьешься.

Пепулевичъ.—Очевидно. Въ два мѣсяца разъ я долженъ встряхнуться. Какіе-нибудь три дня—и опять я чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй младенца. Ты, какъ лѣкарь, долженъ лучше другихъ понимать, натура моя проспиртована, и требуетъ продолженія прежняго режима. Но мое благородство не позволяетъ соблазнять сихъ мальхъ: Чуковинныхъ и компанію. Поэтому я улетучиваюсь въ городъ и напиваюсь тамъ.

Баклансь.—На счетъ Боровицкаго?

Пепулевичь.—Нѣтъ, я для перваго знакомства займу у господина Макшанова. А чтобы онъ съ большимъ удовольствіемъ мнѣ далъ, я ему скажу нѣсколько пріятныхъ вещей.—Я читалъ васъ, господинъ Макшановъ, я большой вашъ поклонникъ. Главное ваша эрудиція. Сильно, смѣло, ново, просто и оригинально.

Макшановъ (*вынувъ бумажникъ*).—Вамъ сколько?

Пепулевичь (*наивно*).—Зелененькую.

Макшановъ.—Зелененькой нѣтъ. Вотъ синенькая.

Пепулевичь.—Безразлично. Сдачи принесу. Вы, кажется, не вѣрите?—Тому что я васъ читалъ—не вѣрите, я вообще ничего не читаю. А то, что сдачи принесу,—этому вѣрите. Вотъ и альпухарецъ подтвердить,—обманывалъ ли я кого. Я вѣдь одно время частнымъ повѣреннымъ былъ, у мировыхъ дѣла вель. Иногда большія суммы мнѣ довѣряли. Я—юристъ по профессіи.

Баклансь.—Да развѣ ты въ университетѣ былъ?

Пепулевичь.—Былъ.

Баклансь.—Одинъ разъ на актѣ?

Пепулевичь.—И совсѣмъ не одинъ (*встаетъ*). Эхъ, ночь-то какая: изъ степи благоуханіемъ тянетъ. Луна взошла, ѣкая лунница здѣсь здоровая. (*Поетъ*).

Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говорить...

Баклансь.—Вотъ Чуковинъ опять укорить тебя поэзіей.

Пепулевичь.—А чортъ съ нимъ, боюсь я его! Мерси, monsieur Макшановъ, — тронуть за довѣріе. Два рубля сдачи получите. Вы останетесь здѣсь? Охота въ духотѣ сидѣть. А reviderci! Идемъ, гранадецъ!

(*Уходятъ въ ворота*).

VIII.

Макшановъ *идетъ къ крыльцу. Наташа опять выжила и развѣсила на перилахъ чайное полотенце.*

Макшановъ.—А вы не интересуетесь собраніемъ?

Наташа.—Я много разъ все это уже слышала. Обойдутся и безъ меня... У нихъ еще долго тамъ будутъ тянуться пренья. А то обыкновенно здѣсь всѣ съ курами ложатся. Никто на звѣзды и не смотритъ. А вѣдь это лучшее время сутокъ. Смотрите, какія яркія зеленыя пятна, какія густыя тѣни. Такой луны на сѣверѣ не бываетъ: она какая-то зеркальная. И облака, смотрите, какъ серебряныя змѣи, подкрадываются къ ней, ползутъ. Вы спать не хотите?

Макшановъ.—Нѣтъ.

Наташа.—Посидимте здѣсь, цикадъ послушаемъ. Ишь, какъ трещать. Ариша, вы совсѣмъ убрались?

Ариша (*съ порога*).—Совсѣмъ.

Наташа.—Ложитесь, ничего больше не надо.

Макшановъ.—А я думалъ, что въ Скитѣ нѣтъ прислуги.

Наташа.—Только у меня и есть. Это прачка. Она на насъ и Бушмариныхъ стираетъ и гладитъ. Полы также моетъ.

Макшановъ.—Косо смотреть на васъ за это?

Наташа (*смѣется*).—Да пускай!

Макшановъ.—Мало вы подходите ко всѣмъ имъ.

Наташа.—Почему?

Макшановъ.—На облака смотрите, на луну. А здѣсь, кажется, къ этому не тяготѣютъ.

Наташа.—Нѣтъ, они здѣсь всѣ хорошіе, право, лучше, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ: все честные, трудящіеся, прямые. А недостатки въ нихъ есть, какъ у всѣхъ людей.

Макшановъ.—Мнѣ они показались какими-то толстокожими.

Наташа.—Въ одномъ васъ могу увѣрить: здѣсь всѣ совершенно искренни. Можетъ-быть, много въ нихъ смѣш-

ного, — но смѣшного въ насъ самихъ, можетъ-быть, въ десять разъ больше. — Я какъ-то заболѣла ангиной, такъ если бѣ видѣли, какъ всѣ наперерывъ стали за мной ходить. Эта Сущенко, Холодовская, это такія теплыя, славныя бабы. Да и мужичицы всѣ хорошіе. Чуковинъ самый нетерпимый, да и тотъ на меня рукой махнулъ. Я на работы въ поле не выхожу, сижу здѣсь съ ножницами и швейной машиной. Дѣтки отъ Бушмариной прибѣгають, славныя дѣвчонки, — съ ними повозисься... Что вы смотрите на меня?

Макшановъ. — Гляжу на васъ и вспоминаю, гдѣ я васъ встрѣчалъ?

Наташа. — Въ Москвѣ, можетъ-быть?

Макшановъ (*притоминная*). Да... И знаете, гдѣ? у Козловыхъ.

Наташа (*нѣсколько вздрогнувъ*). — Года четыре назадъ?

Макшановъ. — Да.

Наташа. — Я тамъ съ мужемъ бывала.

Макшановъ. — Какъ, неужели? — Значить, вы жена Липовецкаго?

Наташа. — Да.

Макшановъ (*снимая шляпу и проводитъ по волосамъ*.
Пауза).

Наташа (*съ улыбкой*). — Вотъ видите, всегда, когда я назову свою фамилію, наступаетъ длинное молчаніе. Какъ вы думаете, пріятно это?

Макшановъ. — Я вашего мужа еще недавно видѣлъ, — онъ проѣхалъ мимо меня и не поклонился.

Наташа. — Зачѣмъ ему кланяться? Вы ему не нужны. Онъ знакомъ только съ нужными людьми.

Макшановъ. — Онъ служить гдѣ?

Наташа. — Два года я прожила съ нимъ, и не знаю, что онъ такое представляетъ собою. Когда онъ былъ моимъ

женихомъ, онъ говорилъ, что онъ профессоръ. Потомъ оказалось, что онъ гдѣ-то, когда-то былъ учителемъ.

Макшановъ.—Я помню его поэтическую шевелюру,—цѣлую гриву волосъ, вдохновенный взглядъ, золотое пенсне на толстой тесемкѣ и громоносныя рѣчи.

Наташа.—Да, а вы... Вы... вы ничего не знаете? Не слышали объ одной исторіи...

Макшановъ.—Не помню. Можетъ-быть, слышалъ.

Наташа (*Послѣ паузы*).—Я гимназисткой влюбилась въ него... Теперь, когда я вспоминаю о немъ, весь мой бракъ мнѣ представляется какимъ-то дикимъ кошмаромъ, какимъ-то ужаснымъ сномъ, отъ котораго я наконецъ проснулась. И когда теперь иногда во снѣ мнѣ покажется, что я опять съ нимъ—это чувство такое же, какое должны испытывать заживо погребенные. (*Закрываетъ лицо руками*).

Макшановъ.—Постойте, я припоминаю, была исторія въ игорномъ домѣ... скверная исторія. Впрочемъ, не будемъ объ этомъ говорить, вамъ неприятно...

Наташа.—Нѣтъ, ужъ начали, такъ все равно. Иногда бываетъ приятно бередить больное мѣсто. Не отъ меня, отъ другихъ вы узнаете. Это старая исторія, тысячи разъ вторявшаяся, и которая еще тысячи разъ повторится. Меня воспитала мать, экзальтированная, энергичная, увлекающаяся натура. И я вышла такой же экзальтированной. Береть на боку, коротенькая шубка, волосы по вѣтру, и на каткѣ по два раза въ день. По вечерамъ собиралась молодежь, читали и Толстого, и Бокля, и Нитцше. А ночью, потихоньку, только не отъ матери, а отъ молодежи, читались «Монте-Кристо» и «Гостинница трехъ отрубленныхъ головъ». Все это укладывалось рядкомъ въ мозгу, какъ укладывается у тысячи русскихъ дѣвушекъ, нисколько не мѣшая одно другому. Съ одной стороны, ищешь героевъ, силы, мужества, красоты на романтической подкладкѣ; съ другой—стараешься все освѣтить

идеѣ, блескомъ правды,—готова самое себя принести въ жертву этой идеѣ. И вотъ всегда такъ бываетъ: когда развернется такая натура—встрѣтится человѣкъ, не имѣющій ничего общаго не только съ какой бы то ни было идеѣй, но прямо жалкое отрепье, ничтожество. А видишь его въ такомъ ореолѣ, что готова упасть къ его ногамъ и молиться... Впрочемъ, зачѣмъ я вамъ все это говорю!..

Машановъ.—Теперь я скажу вашими же словами: начали, такъ и продолжайте.

Наташа.—И знаете, какъ странно: никогда примѣры другихъ не предостерегаютъ. Я это давно замѣтила. Была у меня подруга Кривченко. Она вышла замужъ за молодого блестящаго чиновника, помѣщика-милліонера. А черезъ два мѣсяца оказалось, что онъ не чиновникъ, не помѣщикъ, а одесскій мѣщанинъ и пьяница, судившійся за поддѣлку какихъ-то документовъ. Она хотѣла отъ него уйти, но онъ посадилъ ее на цѣпь и истязалъ, вымогая деньги отъ ея отца. Она была очень религіозна, рѣшила, что это ей послано въ наказаніе за грѣхи, и считала свои муки искупленьемъ. Но, потомъ, когда онъ сталъ мучить ихъ двухлѣтняго сына, она не выдержала и ушла. Мы всѣ говорили: «Какъ можно такъ опрометчиво выходить замужъ, не узнавъ человѣка!» А развѣ можно узнать человѣка?..

Машановъ.—Трудно.

Наташа (Помолчавъ).—Я была поражена величиемъ его поступка: онъ внесъ плату за ученіе одиннадцати молодыхъ людей. Онъ былъ въ нашемъ городѣ триумфаторомъ. Потомъ устроилъ концертъ въ пользу тѣхъ же учащихся. Тутъ что-то произошло. Во-первыхъ, онъ изъ сбора взялъ себѣ обратно свои взносы, а потомъ чего-то не досчитались. Я была тогда невѣста. Ко мнѣ пріѣзжаетъ студентъ Кояловичъ, онъ ухаживалъ за мной, мрачный. «Долженъ, говорить, предупредить васъ!..» Я его выгнала, сочла все за

ревность... Передъ самой свадьбой получила анонимное письмо,—предупреждаютъ, что у него связь. Я ему письмо показала, онъ меня же пристыдилъ: «Кто же читаетъ анонимныя письма!» А черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы пришла ко мнѣ портниха, шестнадцатилѣтняя дѣвочка, упала мнѣ въ ноги...

Макшановъ. Ну, будетъ... зачѣмъ вспоминать.

Наташа (*Не слушая его*).—Потомъ, разумѣется, ложь, клятвы, увѣренія... Я заставила его платить ей помѣсячно и сама посылала деньги. Кончилось тѣмъ, что она наломала въ молоко фосфорныхъ спичекъ и отравилась. Онъ не пошелъ даже на похороны. Я одна шла за ея гробомъ, а онъ говорилъ, что я его осрамила на весь городъ, тѣмъ, что хоронила беременную любовницу мужа...

Макшановъ.—Ну, оставьте...

Наташа.—Ужасъ главный для меня былъ въ томъ, что я его любила, что я была счастлива. Когда его не было близъ меня, онъ былъ мнѣ гадокъ,—но подходилъ онъ ко мнѣ,—и я какъ на божество на него смотрѣла. (*Краткая пауза*). Оставаться намъ въ нашемъ городѣ было нельзя, послѣ смерти этой дѣвочки, тогда мы переѣхали въ Москву... И прошелъ еще годъ жизни, о которой... говорить в не буду. Разъ его привезли всего избитого... (*встаетъ*),

Макшановъ (*нервно ждетъ продолженія рѣчи*).

Наташа.—Онъ попался гдѣ-то во время карточной игры... А тутъ пріѣхалъ Боровицкій и спасъ меня—вырвалъ отъ него.

Макшановъ.—Да, это ужасно!

Наташа.—Къ счастью, у насъ дѣтей не было. Я такъ его ненавижу, что, кажется, ненависть къ нему готова была бы перенести и на ребенка. Довольно того, что какъ *memento mori* здѣсь живетъ Пенулевичъ, котораго онъ обыгралъ въ карты и пустилъ по міру... Ну, да все это прошло, прошло—и не вернется. Не надо говорить объ этомъ.

Смотрите, луна ужь высоко поднялась, — вотъ и млечный путь какъ ясно проступилъ... Вотъ и пришла я сюда, и въ концѣ концовъ хорошо мнѣ здѣсь, потому что я отрѣзана отъ всего того, что мнѣ напоминаетъ стыдъ и позоръ. Здѣсь никто не думаетъ о своей карьерѣ, будущности, никто не вымогаетъ денегъ, не передергиваетъ въ карты. Здѣсь не стыдно смотрѣть въ глаза другъ другу. Вотъ почему вы были не правы, сказавъ, что мнѣ тутъ не мѣсто. Я возродилась здѣсь, другой стала.

Макшановъ.—Если хотите, беру назадъ свои слова. Однако, какъ вы взволновались.

Наташа.—Да, глупое волненіе, глупыя слезы о безцѣльно брошенной жизни. Лучшіе годы и кому они были отданы? Ну, да будетъ,—спокойной ночи. Я-то, должно-быть, спать не буду. Не сердитесь, что я вамъ наговорила столько скучныхъ исторій. Завтра увидимся. Пройдите къ нимъ въ засѣданіе. Покойной ночи! (*Идетъ въ домъ*).

Макшановъ (*смотря ей вслѣдъ*).—Кто для нея Боровицкій?

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Тамъ же. Жаркое утро. Часовъ девять.

I.

Изъ воротъ Сущенко, на голову у нея соломенная шляпа грубаго плетенья; простая съ прямыми рукавами кофта, синья короткая юбка. Изъ дома только-что вышелъ Макшановъ въ блузѣ, съ косою. Онъ начинаетъ ее точить на оселькѣ.

Сущенко.—Послушайте, Макшановъ, вѣдь это невозможно!

Макшановъ.—Что такое?

Сущенко.—Позвольте, въ какомъ же я положеніи? У меня такой характеръ, что я никому не могу ни въ чемъ отказать,—такъ нельзя же этимъ злоупотреблять...

Макшановъ.—Да въ чемъ дѣло?

Суценко.—Вы понимаете, я по-товарищески готова на всё. Попроси меня, я сдѣлаю, что нужно. Онъ приходитъ ко мнѣ и говорить...

Макшановъ.—Кто, онъ?

Суценко.—Пепулевичъ. Онъ приходитъ и говорить: *mademoiselle*.—У него препротивная старая привычка звать этой кличкой... «*Mademoiselle* Суценко, я васъ прошу о товарищеской услугѣ. Исполните?»—Я говорю: «извольте».—«Мнѣ, говорить, необходимо ѣхать, — или ужъ тамъ пѣшкомъ идти, не помню, какъ онъ сказалъ, — въ городъ вмѣстѣ съ Боровицкимъ, — всего на два дня. Я, говорить, васъ прошу, даже не прошу, а умоляю, на колѣняхъ готовъ просить: попасите эти два дня вмѣсто меня коровежъ».—Признаюсь вамъ, въ первый моментъ меня это ошеломило, — потому что этимъ я никогда не занималась. А онъ продолжаетъ: «выборъ мой потому палъ на васъ, что васъ мои собаки любятъ, и вы ихъ любите, а съ другимъ пастухомъ они не поладятъ. Въ сущности, говорить, и пастѣ-то будете не вы, а Макбетъ и Банко», — знаете, онъ такъ своихъ волкодавовъ назвалъ. Я все еще колеблюсь, а онъ говорить: «Да вы думаете, что это умалить ваше достоинство? А вотъ, говорить, Иоанна д'Аркъ пасла стада, была, какъ вы, *ricelle*, а въ концѣ концовъ ей въ Парижѣ памятникъ на золотой лошади поставили».—Ну, словомъ, онъ меня уговорилъ.

Макшановъ.—Это я все знаю.

Суценко.—Я знаю, что вы это знаете, но слушайте, что дальше. Я взялась пасти за него. Онъ меня проводилъ самъ на выгонъ и суетъ мнѣ въ руку книжку:—«чтобы, говорить, вамъ скучно не было». Собаки, дѣйствительно, ведутъ себя изумительно,—ходятъ, смотрятъ, слѣдятъ, лаютъ,—ну, совершенные Церберы. А книжка оказалась самой подлой и называется: «Дѣвица Жиро—моя жена».

(Макшановъ смѣется).

Сущенко.—Вот вы смѣтаетесь, а мнѣ совсѣмъ не смѣшно. Пропасла я такъ день, другой, третій, а Пепулевича все нѣтъ. Ну, что же дѣлать? Вѣдь надо же продолжать исполнять свой долгъ? Не правда ли, Макшановъ,—вѣдь ничего болѣе не остается?

Макшановъ.—Ничего, Маничка, не остается...

Сущенко.—Хорошо. Пасу еще день, и еще. Проходить четыре дня. А его все нѣтъ. Я все исполняю за него. Но нынче утромъ невѣроятная сцена. Я встала раньше, чѣмъ всегда,—часа въ четыре,—справилась, не вернулся ли онъ: вѣдь онъ бокъ-о-бокъ со мной живетъ,—его нѣтъ. Тогда я иду по хутору, и вдругъ вижу его въ растерзанномъ видѣ—бѣгаетъ между хатъ и хоронится отъ меня...

(Макшановъ опять хохочетъ).

II.

Къ воротамъ рысью подъехала бочка. На бочкѣ Бушмаринь и две его дѣвочки.

Бушмаринь.—Ну, гонь, прыгайте,—я васъ у тети Наты оставлю.

(Дѣвочки спрыгиваютъ).

Сущенко.—Вот и Бушмаринь! Бушмаринь,—не знаете ли вы чего,—у насъ пропалъ Пепулевичъ,—и я видѣла его призракъ. *(Дѣвочкамъ)* Здравствуйте, дѣтвора!

Бушмаринь.—Ничего я о немъ не знаю. А гдѣ Наталья Константиновна,—я бы моихъ наслѣдницъ ей сдать?

Макшановъ.—Она что-то въ кухнѣ возится. *(Сущенко).* Я успокою васъ: Пепулевичъ ужъ третій день вернулся, но показаться на глаза никому не можетъ: въ образѣ звѣриномъ.

Сущенко.—Что вы, Макшановъ, глупости говорите,—я въ оборотней не вѣрю.

Макшановъ.—А онъ—оборотень: запилъ и потерялъ че-

ловѣческое подобіе. Впрочемъ, онъ общалъ сегодня протрезвиться.

Сущенко.—Гдѣ же онъ?

Макшановъ.—Онъ живетъ въ комнатѣ Боровицкаго. Приѣхалъ ночью, съ запиской отъ него, чтобъ пустили. И запасъ себѣ привезъ. Вчера съ нимъ покончилъ.

Сущенко.—Скажите, какой ничтожный человѣкъ! Ну, а если объ этомъ Чуковину рассказать?

Макшановъ.—Оставьте, что за жалобы, это вамъ не къ лицу. Если хотите его видѣть, вотъ отворите эту ставню.

Сущенко.—И открою (*отворяетъ и стучитъ въ стекло*). Пепулевичъ, это подло. Выходите, довольно скрываться. (*стучитъ*). Пепулевичъ,—вы живы?

Пепулевичъ (*отворяя окно, но не показываясь*).—Умеръ, ибо слышу райскій голосъ.

Сущенко.—Видѣть васъ можно?

Пепулевичъ.—Нельзя.

Сущенко.—Почему?

Пепулевичъ.—Я въ райскомъ видѣ.

Сущенко.—Гадость какая! Слушайте, — это не по-товарищески, Пепулевичъ,—это нравственно некрасиво. Отрывать меня отъ своихъ естественныхъ занятій и заставить пасти стадо. Я понимаю, пока васъ не было, но теперь, когда вы воротились,—это, извините за откровенность, носить гнусный характеръ. Потрудитесь сейчасъ идти въ поле и пасти вашъ скотъ, я болѣе туда не вернусь.

Пепулевичъ (*показывается въ окнѣ, голова его повязана старымъ фуляромъ*).—Марія Сущенко,—вы ангелъ сущій! Только до вечера,—только до четырехъ часовъ попасите, а тамъ я приму отъ васъ снова мое министерство. Умоляю! Подумайте, я потомъ буду должникъ вашъ по гробъ. Вѣдь какъ это удобно, Марія! Я пригожусь!

Сущенко.—Боже, до чего вы противны. Вы опухли.

Пепулевичъ.—Это что! то ли бываетъ!

Сущенно.—Дѣти, идемте къ Наташѣ. А вамъ, Пепулевичъ, я даю срокъ до трехъ часовъ: въ три часа стада будутъ брошены на произволъ судьбы. *(Идетъ къ дому).*

Бушмаринь.—Такъ вы ребятъ тамъ оставите?

Сущенно.—Я сдамъ ихъ съ рукъ на руки.

Бушмаринь.—Да, а то Лидочка сегодня стираетъ.

(Сущенно ушла на крыльцо).

Пепулевичъ.—Ушла? Никого нѣтъ? *(Выпрыскиваетъ изъ окна. Онъ въ старомъ, подпоясанномъ шмурами, бухарскомъ халатѣ. Голыя ноги въ туфляхъ).* Извините за костюмъ: единственный предметъ роскоши, оставшійся отъ прежнихъ благъ.

Бушмаринь.—А точно: личико-то у тебя разнесло.

Пепулевичъ.—А ты выпей столько, какъ я, и посмотри, что съ тобой будетъ.

Макшановъ.—Покончили, Пепулевичъ?

Пепулевичъ.—Покончилъ. Ни одной капли! Ахъ, теперь бы соленыхъ огурчиковъ и содовой воды... Но ни того, ни другого въ этомъ заведеніи нѣтъ.

(Подходитъ къ кадкѣ, черпаетъ ковшикомъ воду, пьетъ и мочитъ голову и виски).

Бушмаринь.—Погоди, я сейчасъ свѣжей привезу.

Пепулевичъ.—Ничего, и эта холодная. Макшановъ, я вамъ два рубля сдачи отдалъ? Не правда ли?

Макшановъ.—Отдали. Но выпили вы за это время не на три рубля.

Пепулевичъ.—Я думаю. На всѣ двадцать, другъ мой философъ. Понимаете—это неизбежная потребность природы. Въ такія минуты я чувствую себя властителемъ необъятнаго пространства. А вѣдь это не шутка. Чувствую, что божество! И при этомъ замѣтите, не гнушаюсь людьми. Вотъ, говорю съ вами, и даже, чортъ васъ дери, уважаю. И пью я непремѣнно запоемъ. Мнѣ Баклансъ говорить: это свинство. А я говорю: да развѣ свиньи пьютъ запоемъ?

Бушмаринь (*смотря, какъ Макшановъ чинилъ грабли*).—
А вы это умѣете?

Макшановъ.—Я садоводствомъ любилъ заниматься.

Бушмаринь.—Ну, я за водою (*оскакиваетъ на бочку*).
Госъ, Буцефалъ! Впередъ! (*Скрывается*).

Пепулевичъ.—А вы меня все-таки не презирайте.

Макшановъ.—За что мнѣ васъ презирать?

Пепулевичъ.—А вотъ за эту хламиду. Зотовъ говорить, что вино переносить насъ изъ земной сферы въ новую, откуда мы, какъ съ горы, видимъ всю мелочь, всю суету, весь вздоръ земной жизни. Вино-съ — оно, государь мой, возвышаетъ душу. Есть два разныхъ воздѣйствія вина на человѣческой духъ: у однихъ оно озвѣряетъ душу, а у другихъ, напротивъ, утишаетъ и очищаетъ,—какъ у меня, на примѣръ. Я пьяненькій дѣлаюсь хрустальнымъ. Всего меня насквозь видно. И какіе тогда глубокіе вопросы я разрѣшаю,—Господи, какіе глубокіе. Я пьяненькій, да вотъ еще когда сплю,—удивительно уменъ бываю—самъ удивляюсь. Я во снѣ такія проблемы разрѣшаю, что самъ себѣ диву даюсь. Представить себѣ нельзя, какія хитросплетенія образуются въ моемъ мозгу. Ежели бы записывать—можно массу интереснаго оставить на память грядущимъ поколѣніямъ. А между тѣмъ—проснешься, и все улечитиса, какъ газъ. Говорять, вотъ изобрѣтатели самыя великія открытія дѣлали во снѣ

Макшановъ.—Неужели вамъ Боровицкій далъ денегъ на запой?

Пепулевичъ.—Вотъ вы куда? Источникъ моихъ капиталовъ желаете знаты! А вотъ не скажу! Можетъ, вы меня предадите нашимъ колонистамъ, какъ Иуда!.. предадите? (*Хватаетъ его за руку*). Ха-ха! испугались! Но я васъ знаю за честнѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка!

Макшановъ.—Я никогда не пугаюсь!

Пепулевичъ.—Прекрасно дѣлаете, симпатичная черта...
Ну, я вамъ откроюсь: я расточилъ чужое имущество...

Макшановъ.—Вы на себя врите, Пепулевичъ!

Пепулевичъ.—Ей-Богу, расточилъ, да еще наше, общественное... И вообразите, никакого угрызения совѣсти! Ни-ни! Хоть бы легкой слѣдъ. Чувствую веселіе въ восьмой степени и больше ничего. Скажите, презираете вы меня?..

(Вдали слышны бубенцы быстро скачущей тройки).

Макшановъ.—Кто-то ѣдетъ. Должно-быть, Боровицкій.

Пепулевичъ.—Не думаю. Это слишкомъ эффектно для него *(Идетъ къ воротамъ)*. Можетъ-быть, полковникъ?

Макшановъ.—Какой полковникъ?

Пепулевичъ.—Тутъ ѣздитъ иногда къ Зотову жандармскій полковникъ... Нѣтъ, это не онъ... Те-те... Кажется, рожа знакомая... вотъ-те разъ. *(Направляется къ дому, но въ дверяхъ показывается Сущенко)*. Опоздалъ!

Сущенко.—Кто это ѣдетъ?

Макшановъ.—Не знаю.

(Бубенчики сразу обрываются за домомъ).

Пепулевичъ *(прыгаетъ за кусты)*.—Это прелюбодѣй мысли

III.

Въ ворота показывается Покромовъ—сухая, геморроидальная фигура въ очкахъ, съ съдвинутой жидкой бородкой, опрятная и подтянутая.

Покромовъ *(съжливко приподнимая шляпу)*.—Виновать,—не будете ли добры указать, гдѣ проживаетъ госпожа Липовецкая?

Макшановъ.—Здѣсь? Вамъ что угодно?

Покромовъ.—Вы повѣренный госпожи Липовецкой?

Макшановъ.—Нѣтъ.

Покромовъ.—Въ такомъ случаѣ позвольте ужъ мнѣ лично сообщить ей, что мнѣ угодно.

Макшановъ.—Да я васъ не о томъ спрашиваю, что вы

сообщите госпожѣ Липовецкой, а о томъ, что вы желаете, должно-быть, видѣть ее?

Покромовъ.—Несомнѣнно.

Макшановъ.—Слышите, Маня? Скажите ей.

Покромовъ.—Вотъ будьте добры, мою карточку...

Сущенко.—Да вы такъ скажите фамилью, я вѣдь не горничная, не перевру.

Покромовъ.—Будьте любезны сказать, что ихъ желаетъ видѣть присяжный повѣренный Покромовъ, по важному дѣлу, пріѣхавшій отъ ихъ супруга.

Сущенко.—Скажу.

(Уходитъ. Макшановъ оледываетъ Покромова, Тотъ неподвижно стоитъ посрединѣ двора на солнцѣ съ портфелемъ. Пепулевичъ дѣлаетъ Макшанову знаки, чтобъ онъ къ нему подошелъ. Макшановъ не видитъ. Пауза. Сущенко возвращается.)

Сущенко.—Наташа просила вамъ передать, что у нея съ мужемъ никакихъ дѣлъ нѣтъ и быть не можетъ.

Покромовъ *(невозмутимо)*.—Я попрошу васъ еще разъ побезпокоиться и пойти къ госпожѣ Липовецкой. Мнѣ, повторяю, необходимо ее видѣть, по дѣлу гораздо болѣе важному для нея, чѣмъ для меня.

Сущенко.—Нѣтъ, я больше не пойду. Вѣдь русскимъ языкомъ вамъ сказано, какой вы линкій. Съ вами говорить не хотять, а вы настаиваете.

Покромовъ *(улыбаясь)*.—Со мной никто не хочетъ говорить, а однако всѣ говорятъ.

Сущенко.—Такое слово знаете?

Покромовъ.—Вотъ-вотъ. Иногда даже силой въ судъ приводятъ.

Сущенко.—Есть чѣмъ хвастаться.

Покромовъ.—Почему же вы думаете, что я хвастаюсь?

Сущенко. — Да ну васъ въ болото, — очень вы мнѣ нужны.

(Сходитъ съ крыльца).

Покромовъ *(съжмиво Макшанову)*. — Быть-можетъ, вы, какъ мужчина, скорѣй мнѣ посодѣйствуете. Если Наталья Константиновна не соблаговолитъ меня принять, — то ей придется имѣть дѣло непосредственно съ ея супругомъ.

IV.

Наташа *показывается на крыльцѣ*.

Наташа *(не сходя со ступенекъ)*. — Что вамъ угодно?

Покромовъ *(приподнимая шляпу)*. — Я бы попросилъ васъ удѣлить мнѣ пять минутъ разговора.

Наташа. — Зачѣмъ? У меня съ мужемъ все покончено.

Покромовъ. — О, далеко не все.

Наташа. — Опять какая-нибудь гадость?

Покромовъ *(пожимая плечами)*. — Мнѣ неудобно при постороннихъ...

Наташа. — Хорошо. Маня, Левъ Борисовичъ, оставьте насъ. Я не зову васъ въ комнаты: тамъ душно и жарко. *(Показывая на стулъ, нальво)*. Садитесь здѣсь.

Сущенко. — Такъ я къ дѣтямъ пройду, Наташа.

Наташа. — Пройди, голубчикъ.

(Покромовъ настораживается).

Наташа *(засмѣявшись)*. — Вы думаете, можетъ-быть, что это мои дѣтки, — нѣтъ, сосѣдскія.

Покромовъ *(почтительно наклоняетъ голову)*.

Макшановъ. — Вы знаете, я здѣсь за хатой кошу?

Наташа. — Да.

(Макшановъ идетъ въ ворота, Сущенко въ домъ, Пепулевичъ спрятанъ въ кустахъ. Покромовъ садится у стола en face къ публикѣ. Наташа слѣва сбоку).

Покромовъ.—Фамильа моя—Покромовъ.

Наташа.—Знаю. Я васъ помню.

Покромовъ.—Очень для меня дестно.

Наташа.—Ну, не совсѣмъ. Вы на меня оставили тяжелое впечатлѣніе.

Покромовъ.—Быть-можетъ, теперь я заглажу это впечатлѣніе.

Наташа.—Да? Чѣмъ же это?

Покромовъ.—Пріятными вѣстями. Вы позволите изложить все по порядку?

Наташа.—Пожалуйста.

Покромовъ.—Во-первыхъ, позвольте передать вамъ искреннее почтеніе вашего супруга. Время, прожитое съ вами, онъ считаетъ счастливѣйшимъ въ его жизни.

Наташа.—Къ сожалѣнію, не могу ему отвѣтить тѣмъ же.

Покромовъ.—Но, конечно, онъ сознаетъ, что порванной веревки не связать. Вопросъ оконченъ. Прошлаго воскресить нельзя.

Наташа.—Да, это было бы ужасно, если бы могло воскресать прошлое.

Покромовъ.—Жизнь течетъ, какъ рѣка, и несетъ свои волны къ новымъ берегамъ и новому небу.

Наташа.—Къ какимъ же новымъ берегамъ хочетъ пристать Валерьянъ Федоровичъ?

Покромовъ.—Вы знаете, у него всегда были стремленія къ семейной жизни. Даже когда онъ заблуждался, и тогда въ его ошибкахъ и заблужденіяхъ было на первомъ планѣ безотчетное стремленіе къ домашнему очагу, къ тихой пристани, гдѣ бы можно было укрыться отъ житейскихъ бурь.

Наташа.—Если вы намекаете на эту несчастную отравившуюся дѣвочку, то примѣръ неудаченъ.

Покромовъ.—Судьбѣ угодно было, чтобъ самая, повидимому, надежная пристань—его законный бракъ—была разбита налетѣвшимъ шкваломъ. Извините эти цвѣтистыя упо-

добленія: они не въ моемъ характерѣ, но когда я говорю съ женщиной, то стараюсь выразаться по возможности образнѣе.

Наташа.—А нельзя ли, monsieur Покромовъ, прямо къ дѣлу?

Покромовъ.—Чудесно. Очень радъ. Извольте видѣть: мой довѣритель, глубокоуважаемый Валеріанъ Ѳедоровичъ...

Наташа.—Вы всѣхъ вашихъ довѣрителей называете глубокоуважаемыми?

Покромовъ.—Всѣхъ безъ исключенія. Какъ только мнѣ выдана довѣренность, такъ мой клиентъ дѣлается для меня глубокоуважаемымъ.

Наташа.—Продолжайте. Итакъ?

Покромовъ.—Онъ задумалъ жениться.

Наташа.—Вотъ какъ! Кто же эта несчастная?

Покромовъ.—«Несчастливая», какъ вы изволите выразаться, женщина уже не первой молодости и вполнѣ отдающая себѣ отчетъ въ поступкахъ. Это бракъ, сулящій взаимное счастье.

Наташа.—Очевидно, для «глубокоуважаемаго» — это составляетъ расчетъ?

Покромовъ.—Очевидно.

Наташа.—И очевидно также то, что ему нужно мое согласіе на разводъ?

Покромовъ.—Вы въ значительной степени облегчаете мою задачу, глубокоуважаемая Наталья...

Наташа.—Нельзя ли какъ-нибудь иначе, не «глубокоуважаемая».

Покромовъ.—Вы облегчаете мою задачу, искренночитая Наталья Константиновна. Да, ему именно нужно ваше согласіе.

Наташа.—А если я его не дамъ?

Покромовъ.—Изъ каприза?

Наташа.—Хотя бы изъ каприза.

Покромовъ.—Искренночтимая, какой же въ этомъ будетъ смыслъ?

Наташа.—Если бы всегда поступать по здравому смыслу, я бы никогда за Липовецкаго не вышла замужъ.

Покромовъ.—Не будемъ говорить объ ошибкахъ молодости. Ну, вы закапризничаете, скажете — нѣтъ. Что же это—мести нелюбимому человѣку? Это мелочно, наивно. Обстоятельства слагаются такъ, что остается только благодарить судьбу: всѣ удовлетворены, счастливы, обеспечены, прежнія ошибки всѣ поправлены.

Наташа.—Ха-ха! Вы думаете всѣ ошибки прежняго можно поправить?

Покромовъ (*попрежнему скромно. Но сквозь эту скромность проглядываетъ цинизмъ*).—Съ деньгами—всѣ-съ.

Наташа.—А по-моему, не всѣ-съ.

Покромовъ (*пожимаетъ плечами*).

Наташа.—Въ чемъ же должно заключаться мое согласіе?

Покромовъ.—Вотъ мы подходимъ теперь къ самому важному. Вамъ не безызвѣстно, что которая-нибудь одна сторона беретъ вину на себя?

Наташа.—Не безызвѣстно.

Покромовъ.—Обыкновенно это дѣлается по взаимному соглашенію.

Наташа.—Какъ? Ужъ не думаетъ ли высокоуважаемый, что я вину возьму на себя?

Покромовъ (*очень мягко*).—Если вы не собираетесь замужъ, то въ сущности вамъ это все равно.

Наташа.—Мы, кажется, сейчасъ съ вами прекратимъ нашъ милый разговоръ: я дѣлаю на кухнѣ ватрушки, и мнѣ это гораздо интереснѣе, чѣмъ бесѣда съ вами.

Покромовъ.—Но предложеніе, чтобы вы взяли вину на себя, не есть *conditio sine qua non*. Я только былъ уполномоченъ, если бы вы пошли на это—предложить вамъ сумму очень внушительную...

Наташа *(встает)*.

Покромовъ.—Искренноуважаемая,—но разъ вы не соглашаетесь, то вамъ придется только подписать кой-какія бумаги, и для этого поѣхать въ городъ. Конечно, всѣ расходы на этотъ счетъ будутъ нами оплачены. Вину Валерьянъ Федоровичъ возьметъ на себя, и вы—какъ первобрачная—можете снова выходить замужъ.

Наташа *(сѣвъ на прежнее мѣсто)*.—Не секретъ фамилія его невѣсты?

Покромовъ.—Самокатова.

Наташа.—Купчиха?

Покромовъ.—Вдова коммерціи совѣтника.

Пепулевичъ.—Вотъ что!

(Пользуясь тѣмъ, что Покромовъ сидитъ къ нему спиной, осторожно прокрадывается на крыльцо и исчезаетъ въ дверь).

Наташа.—Высокоуважаемый хочетъ поправить свои обстоятельства женитьбой на вдовѣ коммерціи совѣтника?

Покромовъ.—Она женщина видная и не старая. Хотя не первой молодости. Ну, скажемъ, такъ лѣтъ сорока...

Наташа.—А вѣдь если я не дамъ развода, такъ, пожалуй, придется ему искать счастья какой-нибудь другой дорогой?

Покромовъ.—Я уполномоченъ согласиться на тѣ условія, которыя вы поставите. Быть-можетъ, вы желаете посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь? Я не требую тотчасъ же отвѣта, Вотъ мой адресъ *(подаетъ карточку)*. Я въ вашемъ городѣ до будущаго воскресенья, и по первому требованію вашему являюсь къ вамъ.

Наташа.—Хорошо. Я извѣщу васъ.

Покромовъ.—Я уполномоченъ довести дѣло до конца, и если позволите, скажу вамъ прямо: цифрой можете не стѣсняться,—между нами... *(пониживъ голосъ значительно)* если позволите дать вамъ совѣтъ,—скажите прямо: «сто, и ни копейки меньше».

Наташа (*не совѣстьмъ погляв*).—Что сто?

Покромовъ.—Сто тысячъ за разводъ, и съ тѣмъ, чтобы вина была не на вашей сторонѣ.

Наташа (*смѣясь встаетъ*).—Да, должно-быть, дѣло-то заманчивое... Ну, а если я все-таки скажу нѣтъ?

Покромовъ (*тоже смѣется*).—Не скажете, искренночтимая. Я понимаю, можно быть или считать себя прямой натурой, идеалистомъ,—но отъ денегъ отказываться,—да еще отъ ста тысячъ... Вы скажете—не честно, но честность—понятіе условное. Нѣтъ человѣка, который въ жизни не совершилъ бы клятвопреступленія, или преступленія вообще, за которое нельзя было бы его закатать съ лишеніемъ правъ. Всѣ (конечно кромѣ насъ съ вами—мы люди идеальной честности)—препорядочные подлецы.—Взятки всѣ берутъ: одинъ трехрублевыми бумажками, другой—каменными домами, третій—лестью. Лестью многого можно достичь, особенно у людей безусловно честныхъ: узнай его слабую струнку и играй на этой стрункѣ. Смотришь, и размякнетъ человѣкъ: ляжетъ какъ пудель на спину и лапки кверху. И не догадывается, что его стригутъ въ это время. Однако, я васъ задерживаю,—виновать, вѣдь у васъ ватрушки. Такъ я-съ буду ждать.

Наташа (*кивнувъ ему головой и не подавая руки*).—Я васъ извѣщу. (*Идетъ къ дому*).

V.

Къ воротамъ подъехала бочка съ водой. Бушмаринъ, открывъ ступку, налилъ ведро воды и несетъ въ кадку.

Бушмаринъ.—Свѣжая водица, Наталья Константиновна.

Наташа.—Спасибо, у насъ еще отъ вчерашняго осталось много.

Бушмаринъ (*заглянувъ въ кадку*).—Ведра три войдетъ.

(Выливаетъ въ кадку и идетъ за вторымъ).

(Наташа ушла въ домъ. Покромовъ съ интересомъ слы-

дитъ за Бушмариньмъ. Пока онъ приноситъ и выливаетъ второе ведро, Покромовъ за воротами оглядывается, идъ его лошади. Бушмаринъ идетъ за третьимъ ведромъ).

Покромовъ (*приподнимая шляпу*).—Виноватъ, вы не видели моей тройки?

Бушмаринъ.—Ихъль это счастье. Ямщикъ на рѣчкѣ лошадей поить. Это два шага отсюда.

Покромовъ.—Благодарю васъ.

Бушмаринъ.—Не за что.

Покромовъ.—А рѣчка направо, или налѣво?

Бушмаринъ.—И налѣво, и направо, и прямо, какъ угодно, только подъ горку.

Покромовъ (*приподнимая шляпу*).—Очень обязанъ.

Бушмаринъ (*тоже приподнимая свою*).—И я въ свою очередь.

Покромовъ (*скрывается за воротами*).

VI.

Сущенко, за ней обѣ двѣочки съ крыльца.

Женя.—Тетя Маня, еще творогу.

Сущенко.—Нельзя—ты чуть не фунтъ съѣла. Петенька умѣре аппетиты твоихъ дочерей: я не видала, чтобъ такъ ѣли. Не знаю, куда у нихъ это входитъ.

Лидя.—Мы еще хотимъ, папа, творогу.

Бушмаринъ.—О Лидія, о Евгения! Не будьте рабынями страстей. Есть семь смертныхъ грѣховъ—въ томъ числѣ жадность. Не поддавайте ей.—Никогда не надо говорить «еще!» а довольствоваться тѣмъ, что есть. Это очень выгодно въ жизни. Если мать тебя дернетъ за вихорь, а ты скажешь «еще»,—что же изъ этого выйдетъ хорошаго?

(*Двѣочки смѣются*).

Бушмаринъ. Вотъ вамъ мое завѣщаніе, о дочери! Будьте мудры какъ зми, веселы какъ обезьяны, терпѣливы какъ ослы, и умѣрены въ пищѣ какъ Чуковинъ или верблюды,

которые по недѣлямъ ничего не ѣдятъ, а сыты бываютъ! Тогда благо вамъ будетъ. Цѣлуйте папку-водовоза!

(По очереди цѣлуетъ ихъ).

Сущенко.—Я возьму ихъ въ стадо.

Бушмаринъ.—Берите: собаки ихъ любятъ. Ну, Буцефаль, трогайся. *(Увозитъ бочку).*

Сущенко.—Надѣвайте шляпенки. *(Надвигаетъ имъ береты).* Идемъ,—будемъ вѣнки плести, ребята: цвѣтовъ еще много.

VII.

Покромовъ въ воротахъ.

Покромовъ.—Гдѣ же рѣчка, не можете ли вы мнѣ указать?

Сущенко.—Господи, вы все еще здѣсь!

Женя.—Во-онъ гдѣ рѣчка!

(Показываетъ рукой. Сущенко съ ними уходитъ. Съ крыльца сходитъ Пепулевичъ. Онъ надѣлъ фокалы, манжеты, пиджачокъ почистилъ; короткія панталонъ спустилъ пониже и подрѣзалъ бахромку. На юловъ—весьма пожилой цилиндръ, на одной рукѣ перчатка).

Пепулевичъ.—Боже мой, кого я вижу: cher monsieur Pокромow!

Покромовъ.—Ахъ,—господинъ Пепулевичъ! Какъ вы здѣсь?

Пепулевичъ.—Я здѣсь живу.

Покромовъ.—Лѣтомъ?

Пепулевичъ.—И зимой.

Покромовъ.—Куда-то мои лошади дѣвались?

Пепулевичъ.—Найдутся, cher, найдутся. Я очень доволенъ, что васъ встрѣтилъ.—Я мечталъ о встрѣчѣ съ вами.

Покромовъ.—Чѣмъ могу служить?

Пепулевичъ.—А если бъ мы присѣли?

Покромовъ.—Присядемъ (*садятся*). Жарко. Нельзя ли напиться?

Пепулевичъ.—Отчего же. Вотъ изъ рѣчки! (*Идетъ къ кадкѣ*). Студеная (*черпаетъ ковшомъ*). Пользуйтесь.

Покромовъ (*пьетъ*).—Благодарю, тронуть!

Пепулевичъ.—Сколько лѣтъ не видались. Съ той поры, какъ monsieur Липовецкій шулернически обыгралъ меня въ карты.

Покромовъ.—Почему же шулернически?

Пепулевичъ.—А развѣ это называется какъ-нибудь иначе? Ну, да дѣло не въ этомъ.—Вы скоро его увидите, шулера-то?

Покромовъ.—Мнѣ не нравится вашъ тонъ.

Пепулевичъ.—Ну, что дѣлать!

Покромовъ.—Что дѣлать? Не слушать.

Пепулевичъ.—Нельзя. Вопросъ васъ касается. Дѣло въ томъ, что я теперь нѣсколько стѣсненъ въ средствахъ.

Покромовъ.—Я принципиально не даю взаймы.

Пепулевичъ.—И прекрасно дѣлаете, этимъ нарушаются сердечныя отношенія. Мнѣ отъ васъ ничего не надо, — а вотъ не можетъ ли monsieur Липовецкій возратить мнѣ часть того, что я ему проигралъ? Я бы помирился на какихъ-нибудь тридцати тысячахъ.

Покромовъ.—Вы съ ума сошли!

Пепулевичъ.—Кажется, нѣтъ: въ твердомъ умѣ и здоровой памяти. Я вамъ дамъ за комиссію десять процентовъ.

Покромовъ.—Оставьте, мнѣ право некогда.

Пепулевичъ.—Слушайте (*понижая голосъ*). — Я уговорю Наталью Константиновну. Беру это дѣло на себя.

Покромовъ.—Она услѣла вамъ передать?..

Пепулевичъ.—Ничего она не передала. Но окна моего рабочаго кабинета устроены такъ, что... ну, словомъ, я слышалъ вашъ разговоръ.

Покромовъ.—Давайте на чистоту. О карточномъ долгѣ забудьте, а получайте за комиссію по договору.

Пепулевичъ.—Тридцать тысячъ.—Слушайте. Вдова коммерціи совѣтника грузна, мясиста, лѣтъ ей сорокъ восемь, баба жохъ. Послѣ мужа достались ей лѣсопильня и сплавныя биржи, только въ седьмой части. Седьмая часть свыше трехъ милліоновъ. Такъ?

Покромовъ.—Вы знаете лучше меня.

Пепулевичъ.—Какимъ же я долженъ быть круглымъ идиотомъ, чтобы не воспользоваться такимъ случаемъ.

Покромовъ.—Вотъ никакъ не думалъ, что здѣсь, въ суровомъ скитѣ, наткнусь на такое отношеніе къ денежнымъ знакамъ! Я думалъ, здѣсь съ презрѣніемъ отвертываются отъ нихъ.

Пепулевичъ.—Да, здѣсь съ презрѣніемъ и отвертываются. Только я не принадлежу къ здѣшнему братству: я слишкомъ испорченъ, я слишкомъ искушенъ жизнью.—Я даже не стѣсняясь открою вамъ карты.

Покромовъ.—Ну-съ?

Пепулевичъ (*тихо*).—Я поѣду къ ней.

Покромовъ.—Къ кому?

Пепулевичъ.—Ко вдовѣ коммерціи совѣтника. Я вѣдь съ ней знакомъ.

Покромовъ.—Будто?

Пепулевичъ.—Она любила въ актерскомъ кругу раздавить бутылочку шампанскаго еще при покойномъ мужѣ, и особенно, когда онъ бывалъ въ отлучкахъ. Мы пріятели съ ней. Ну, вотъ по-пріяельски и потолкуемъ. Я ей сообщу нѣкоторыя черты изъ жизни...

Покромовъ (*смотря ему въ глаза*).—Я думаю, можно обойтись безъ этого.

Пепулевичъ.—Я тоже думаю.

Покромовъ.—Мнѣ нуженъ срокъ.

Пепулевичъ.—Четыре дня.

Покромовъ.—А не кажется вамъ, что во всемъ этомъ сквозить легкой шантажъ?

Пепулевичъ (*невинно*).—Нѣтъ, не кажется. Да въ чемъ же шантажъ, monsieur Покромовъ? Развѣ это вымогательство? Я знаю, что съ вашей точки зрѣнія я поступаю умно.

Покромовъ.—Я не говорю, что глупо.

Пепулевичъ.—А принципы мои таковы: я терпѣть не могу скопленія большихъ капиталовъ въ однѣхъ рукахъ. Мнѣ всегда хочется въ такихъ случаяхъ взять какъ можно больше, и оставить какъ можно меньше. Но я не вымогаю. Гдѣ же вы видите составъ шантажа? Вѣдь не возьми я въ данномъ случаѣ—вѣдь вы же назвали бы меня идиотомъ.

Покромовъ.—Хорошо-съ. Я васъ понимаю, господинъ Пепулевичъ,—и ничего не могу имѣть противъ вашей системы.

Пепулевичъ.—Про господина Липовецкаго могу сказать взяло нашего кота поперекъ живота. Почему же этимъ и не пользоваться?

Покромовъ (*протянувъ руку Пепулевичу*).—Весьма радъ встрѣчѣ. Вы уяснили и разъяснили многое. Вы не стѣсняйтесь. Въ сущности, вѣдь всѣ подлецы. Мы дойдемъ до благожеланнаго результата. Такъ ли, иначе ли, но дѣло надо сдѣлать.

Пепулевичъ.—Надо, monsieur Pokromow! Вѣдь мы съ вами, полагаю, два сапога. Хотя вы передо мной — ботфортъ.

Покромовъ (*ехидно*).—Я ботиночка, туфелька передъ вами. Ну, вотъ, кажется, и тройка моя побрякиваетъ. Такъ я снесусь, протелеграфирую.

Пепулевичъ.—Чудесно. А я даю вамъ слово,—и барыня съ васъ ничего не возьметъ, и я къ купчихѣ не поѣду.

Покромовъ (*смѣется*).—Удачно моя миссія кончена.

Пепулевичъ.—Да ужъ на что удачнѣе.

Покромовъ (*жметъ руку Пепулевичу*).—Еще разъ.

Пепулевичъ.—Еще разъ.

Покромовъ (*взявшись за карманъ*).— Можетъ-быть, задатокъ?

Пепулевичъ.— Jamais! (*Качаетъ въ разныя стороны указательнымъ пальцемъ*). Не желаю себя связывать.

Покромовъ.— Вотъ моя карточка. Вѣдь мало ли что можетъ.

Пепулевичъ.— Мало ли что!

Покромовъ (*идетъ къ воротамъ*).— Всего хорошаго.

Пепулевичъ.— Всего хорошаго.

Покромовъ (*въ воротахъ*).— До свиданья, почтеннѣйшій!

Пепулевичъ.— До свиданья, почтеннѣйшій! Счастливой дороги!

Покромовъ (*за сценой*).— Будьте здоровы! (*Бубенцы*).

Пепулевичъ (*одинъ*).— Неужели клюнуло?

VIII.

Съ крыльца Наташа.

Наташа.— Уѣхаль?

Пепулевичъ.— Да, уѣхаль?

Наташа.— Что это вы? Цилиндръ, перчатки?

Пепулевичъ.— Надо было. Пугнуть хотѣлъ.

Наташа.— И пугнули?

Пепулевичъ.— Да. (*Подходитъ къ ней*). Вы какъ рѣшили?

Наташа.— Насчетъ чего?

Пепулевичъ.— Насчетъ развода? За какимъ онъ вамъ чортомъ?

Наташа.— Разводъ?

Пепулевичъ.— Нѣтъ, мужъ. — Мой совѣтъ: похѣрьте, — такъ крестъ на все.

Наташа.— Позовите мнѣ Макшанова. Онъ здѣсь рядомъ косить.

Пепулевичъ.— Чудесно. Знаете, у меня какой-то приливъ силъ: чувствую—кабы столбъ отъ земли до неба, да кольцо въ столбѣ—взялъ бы за кольцо,—все перевернулъ.

Наташа.—Это настроеніе хорошее!

Пепулевичъ. — Я кликну его и пойду принимать стадо отъ дѣвницы Сущенко. А о разводѣ я съ вами еще поговорю. (*Уходитъ*).

IX.

Наташа, *потомъ* Макшановъ.

Наташа (*стоитъ въ оцѣпѣннѣи*). — Что это, сонъ? Явь? (*Медленно идетъ къ аванъ-сценѣ; прислушивается*). Еще звенять колокольчики. Далеко, далеко...

Макшановъ (*быстро входитъ*).—Ну, что, онъ уѣхалъ?

Наташа (*смотритъ на него*).—Да.

Макшановъ (*отираетъ платкомъ лобъ и шею*). — Фу, жара какая!

Наташа.—Мнѣ надо посовѣтоваться съ вами.

Макшановъ.—Весь вниманіе.

Наташа.—Мнѣ мужъ предлагаетъ разводъ.

Макшановъ.—Вотъ что.

Наташа.—И даетъ за это сто тысячъ.

Макшановъ (*сдвигаетъ брови*).

Наташа.—Такъ вотъ, что вы скажете на этотъ счетъ?

Макшановъ.—Что жъ... Это ваше дѣло. Сто тысячъ—деньги хорошія.

Наташа.—Ну, а какъ вы думаете, возьму я ихъ?

Макшановъ (*идетъ къ кидкѣ и черпаетъ ковшикомъ*). — Право не знаю.

Наташа (*слѣдитъ какъ онъ пьетъ*).

Макшановъ (*напившись*).—Какой же я вамъ совѣтъ могу дать, когда мужъ съ женой расходятся—это дѣло ихъ совѣсти. Постороннему тутъ нечего мѣшать. (*Садится*).

Наташа.—А я къ вамъ обратилась, какъ не къ постороннему

Макшановъ.—Спрашивайте, я буду отвѣчать.

Наташа.—Какъ вы смотрите на разводъ?

Макшановъ.—Разводъ при дѣтяхъ—преступленіе. Разводъ безъ дѣтей—обоюдное согласіе.

Наташа.—А данная клятва?

Макшановъ.—Развѣ вы ее соблюдли? Вы клялись любить мужа, а вы его не любите. Вотъ гдѣ главное нарушеніе. Вы не живете съ нимъ — значить, клятва нарушена. Теперь надо только, чтобы та власть, что связала ваши документы — теперь раздѣлила ихъ и сдѣлала такъ, чтобы отъ прошлаго не осталось слѣда.

Наташа.—А деньги за это можно брать?

Макшановъ.—Вотъ ужъ это дѣло совѣсти.

Наташа.—За мной мать дала нѣсколько тысячъ, — онъ проигралъ ихъ въ карты.

Макшановъ.—Пусть онъ вамъ ихъ и отдастъ.

Наташа.—А если совѣтъ не давать ему разводъ?

Макшановъ.—Зачѣмъ?

Наташа.— А вотъ изъ-за той наболѣвшей тоски, изъ-за той муки, что я пережила, изъ-за тѣхъ бессонныхъ ночей, когда мнѣ казалось, что мнѣ ничего не остается, кромѣ самоубійства? Онъ всю жизнь былъ счастливъ. Къ нему на шею вѣшались дѣвочки-подростки, онъ ихъ обманывалъ, смѣялся надъ ними, — какъ насмѣялся надо мной. Онъ выигрывалъ въ карты, выигрывалъ на скачкахъ, жилъ широко; иногда его ловили въ плутовствѣ и били. Тогда онъ переѣзжалъ въ другой городъ. Теперь онъ хочетъ жениться на какой-то старой дурѣ и поправить свои дѣла. Для этого ему надо перешагнуть черезъ живую жену и отбросить ее. И я должна теперь бѣжать къ нему навстрѣчу, съ удовольствіемъ подписывать разводъ, давать ему свободу и наблюдать издали, какъ онъ будетъ обирать глупую купчиху!

Макшановъ.— Полно, успокойтесь. Будьте выше этого. Забудьте о прошломъ. Вы молоды. У васъ еще жизнь впереди.

Наташа.—Жизнь? Стирать себѣ платки и кофточка, шить блузы на здѣшнихъ колонистовъ?

Макшановъ.—Вы можете теперь выйти замужъ.

Наташа. — Замужъ! Ну, я выйду замужъ! И что же? Опять ѣхать въ городъ, нанимать квартиру, покупать диваны, лампы, столы, заводить знакомства, ѣздить другъ къ другу въ гости, сплетничать, наряжаться, посѣщать театры... Да неужели же стоитъ для этого жить? Неужели здѣсь хуже? Тогда ужъ остаться тутъ навсегда.

Макшановъ.—Во-первыхъ, всегда можно найти себѣ дѣло. Откройте маленькую шею, учите дѣтей. Люди такъ испорчены, что каждый ребенокъ, котораго вы спасете отъ этой испорченности...

Наташа. — Полноте, — я слишкомъ жива и нетерпѣлива. Я люблю дѣтей, но меня не хватаетъ на то, чтобы возиться съ ними,—я скорѣе вредное вліяніе окажу на нихъ своей несдержанностью.

Макшановъ.—Нѣтъ,—вы на себя наговариваете. А какъ хорошо было бы собрать дѣтей, — несчастныхъ, забытыхъ,—и найти въ ихъ маленькихъ душкахъ то, что должно быть въ каждомъ ребенкѣ: частицу божества, и начать холить, лелѣять, растить это зернышко.—Я мальчикомъ очень любилъ ухаживать за цвѣтами: у моего дѣда чудесный цвѣтникъ былъ. Такъ помню, какъ выходишь захирѣлый цвѣточекъ, — такъ въ груди-то точно запоетъ что. — Здѣсь, въ Скитѣ, мнѣ кажется жизнь эгоистичной, — жить долго здѣсь нельзя. Здѣсь только «простора для личности», какъ говорятъ они, ищутъ. А по-моему, если начать переустройство общества, такъ только съ дѣтей. Трудная это задача, куда труднѣе, чѣмъ косить или чечевицу ѣсть, — да зато, изъ этого что-нибудь выйдетъ. А въдъ Скитъ въ результатѣ порастетъ лопухомъ — и кончено дѣло.

Наташа.—Вы счастливы тѣмъ, что вѣрите въ жизнь.

Макшановъ.—Отчего же вамъ въ нее не вѣрить?

Наташа.—Оттого, что я ею отравлена. Хлебнула ее — и

жить больше не хочу. — Вы — другое дѣло. Вы писатель, пользуетесь извѣстностью и свободой. Вы относительно счастливы.

Макшановъ (*серьезно*). — Кто вамъ сказалъ, что я свободенъ и счастливъ.

Наташа. — А развѣ нѣтъ?

Макшановъ. — Нѣтъ. (*Опускаетъ глаза*).

Наташа (*кладетъ свою руку на его руку*). — Чѣмъ же вы несчастны?

Макшановъ (*поднявъ голову*). — Я женатъ.

Наташа (*изумленно*). — Вы?

Макшановъ. — Да.

Наташа. — Гдѣ же ваша жена?

Макшановъ. — Она сошла съ ума, родивъ мнѣ сына. Сынъ былъ эпилептикъ и умеръ трехъ лѣтъ.

Наташа. — Ну, а она?

Макшановъ. — Она уже двѣнадцатый годъ больна... Но доктора говорятъ, что... она можетъ выздороветь.

Наташа. — Вы ее любили?

Макшановъ. — Да. Я сдѣлалъ все, что могъ. Она поджигала домъ, бросалась изъ окна... Я окружилъ ее возможнымъ уходомъ...

Наташа. — А гдѣ она теперь?

Макшановъ. — Въ Женевѣ — въ психіатрической лѣчебницѣ.

Наташа. — Вы ее видите?

Макшановъ. — Каждый годъ. Съ ней ея мать живетъ.

Наташа. — И она можетъ выздороветь?

Макшановъ. — Да, — на время... И потомъ опять...

(Пауза).

Наташа (*опершись на руки и положивъ локти на столъ смотритъ на него*). — Вы несчастны... несчастны? Я рада...

Макшановъ. — Чему?

Наташа. — Я рада, что вы несчастны. Это хорошо. Когда несчастенъ, больше любишь, сильнее чувствуешь. Правда?

Маншановъ.—Возможно, что и такъ.

Наташа.—Нѣтъ, именно такъ. Вотъ вы мнѣ это сказали, и я иначе смотрю на васъ... Вы мнѣ какъ братъ стали... Или не какъ братъ, а какъ милый, какъ милый-милый близкій человѣкъ. А какой у васъ характеръ! Я все смотрѣла на васъ, на ваше спокойствіе, на эту ровность, и думала, что вы спокойный, холодный. Какъ это все хорошо. Такъ вы говорите, что трехлѣтній мальчикъ былъ, и уже эпилептикъ?.. Крошка такая, бѣдный, жалкій... Вотъ вы отчего хотите школу... и чтобы дѣти, чтобы были маленькія, здоровыя, хоть чужія дѣти. Да? Это отлично...

Маншановъ.—А вы говорите, что дѣтей не любите!

Наташа. — Нѣтъ, я этого не сказала. Дѣтей нельзя не любить. А только я за себя боюсь, что мнѣ съ собой не совладать. Все у меня порывы, — все еще экзальтація. А какъ бы я рада была, если бъ это можно было. Я вотъ сейчасъ Бушмаринскихъ ребятишекъ творогомъ кормила. Меня любятъ дѣти и всегда любили.

Маншановъ.—Вотъ видите, а дѣтей не обманешь, — ребенокъ къ злomu человѣку не подойдетъ.

Наташа.—Да, хорошо бы... хорошо такую школу. И надо все добрыхъ, славныхъ людей, — вотъ какъ Боровицкій. Онъ тоже дѣтей любитъ.

Маншановъ (оживляясь).—Такъ давайте, подумаемъ объ этомъ.

Наташа (кладетъ опять сму на руку свою руку). — Все это хорошо. И мой разводъ, и то, что вы женаты... Понимаете почему? Потому что никакой и тѣни быть не можетъ, что вы ко мнѣ бы могли относиться иначе, чѣмъ къ доброму товарищу.

Маншановъ.—Вы ошибаетесь. Хотя мы всего три недѣли съ вами знакомы, а мнѣ кажется...

Наташа.—Что?

Макшановъ. — Что я люблю васъ. И люблю не только какъ товарища...

Наташа (вставая).—Нѣтъ, не надо,—не говорите этого. Вы сами себя не вѣрите.

Макшановъ.—Я-то вѣрю, а надо, чтобы вы повѣрили.

Наташа (смотритъ ему въ глаза). — За что вамъ любить меня?

Макшановъ (смѣясь беретъ ее за обѣ руки). — За что? Да развѣ за что-нибудь любить? Любить, потому что любится, потому что вы мнѣ кажетесь такой свѣтлой, хорошей, и тоже... несчастной.

Наташа (не отнимая рукъ). — Такъ что будемъ два несчастненькихъ?

Х.

Нѣсколько раньше показался въ воротахъ Боровицкій. Онъ въ лаптяхъ, съ сумкой за плечами и съ палкой. Весь въ пыли, но бодръ и оживленъ. Замѣтивъ Наташу съ Макшановымъ, на секунду останавливается, взглядываетъ,—какъ будто про себя говоритъ: «Да вотъ что?..» и идетъ на крыльцо.

Макшановъ.—Будемъ два несчастненькихъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната Зотова. Выблѣнная стѣны. Налѣво—два окна; въ нихъ смотритъ темная августовская ночь. По задней стѣнѣ какой-то шкапикъ, должно-быть, съ книгами. Потомъ желѣзная кровать Зотова; надъ ней, въ широкой черной простой рамѣ, большой этюдъ Боровицкаго, изображающій дворъ и хатку, какъ они были на декорации перваго акта. Далѣе дверь на половину Боровицкаго. Въ углу два косы и грабли. Направо входная дверь, кровать Мак-

шанова. Передъ ней маленькій столикъ. Напротивъ подъ окномъ тоже столъ. Нѣсколько табуретовъ. Часы съ кукушкой показываютъ десятый часъ. Съ потолка горитъ спускная лампа. На столъ двѣ свѣчи. Слева старое клеенчатое кресло.

I.

Боровицкій въ креслѣ что-то чертитъ. **Бушмаринъ** противъ него на табуретѣ. **Макшановъ** сидитъ на своей кровати и играетъ за маленькимъ столомъ въ шахматы съ *Баклансомъ*.

Бушмаринъ (*продолжая разговоръ*). — Такъ что же такое это новое направленіе въ вашей живописи?

Боровицкій. — Повторяю тебѣ, что я не могу его точно оформить и уловить: у меня для этого нѣтъ органа.

Бушмаринъ. — А это что же, четвертое измѣреніе?

Боровицкій. — Для него, можетъ-быть, нужна, выражаясь аллегорически — пятая конечность, чтобъ умѣть его схватить. Сперва я думалъ, что все это чепуха, — но потомъ убѣдился, что кромѣ чепухи есть еще что-то, и что-то важное. Трагизмъ же моего положенія весь въ томъ, что я считалъ всегда себя впереди нашего художественнаго движенія, если не по технике, то по внутреннему содержанию, — и вдругъ кто былъ сзади, — оказывается впереди. И когда я сталъ прибавлять шагу, чтобы догнать ихъ, то догнать ихъ не могъ. Знаешь, какъ во снѣ иногда бываетъ: бѣжишь, задыхаешься, и все-таки не двигаешься съ мѣста.

Бушмаринъ — А можетъ-быть, вамъ это кажется, а на дѣлѣ-то все-таки вы впереди ихъ?

Боровицкій. — Не думаю. Вѣдь тогда придется придти къ ужасающему выводу, что искусство пошло назадъ, — а это едва ли возможно, а вотъ возможно, что —

... Нашъ умъ его уже неймае,

И ослабѣвшими глазами

Глядѣть назадъ, а не впередъ,
И свѣта истины не видѣть...

Я вѣдь никогда не самообольщался, потому-то и считалъ себя за художника. Истинный художникъ никогда не будетъ доволенъ своимъ созданіемъ: онъ сознаетъ невозможность достиженія идеала. Художникъ, который расплывается отъ восхищенія при видѣ своей работы и считаетъ себя талантомъ — всегда бездарность. Порядочный художникъ видитъ въ своей работѣ только отрицательныя стороны, а положительныя онъ видитъ только въ произведеніяхъ своихъ товарищей. А если ты встрѣтишь литератора, который хвалится, что написалъ хорошій романъ или драму, актера, который будетъ тебя увѣрять, что онъ хорошъ въ Рюи-Блазѣ, — можешь прямо считать ихъ за туницъ. (*Бросаетъ карандашъ и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ*). Я вообще не знаю, — нужно ли писать картины. Все мною написанное, все, что виситъ у Третьякова и въ музеяхъ — я не люблю. Мнѣ кажется это вымученнымъ, скучнымъ, ненужнымъ. Еще портреты — да, въ нихъ есть какой-нибудь смыслъ, потому что они выше фабричныхъ фотографій. А кромѣ портрета... Да вотъ я теперь мысленно перебираю: что великаго есть въ живописи на Западѣ? Да только стѣльные головы: у Веласкеза, Рембрандта, Тиціана, Ленбаха. А картины? — Это что-то второстепенное, случайное.

Маншановъ. — Объ этомъ можно спорить.

Боровицкій. — Обо всемъ можно спорить.

II.

Чуковинъ изъ двери направо.

Чуковинъ. — А гдѣ же Зотовъ?

Маншановъ. — Къ нему управляющій изъ Москвы отъ братьевъ пріѣхалъ, — они скоро кончатъ. Счеты сводятъ.

Чуковинъ (бормочетъ). — Счеты, управляющій, братья. За

какимъ это чортомъ? Жить здѣсь, такъ отъ братьевъ отречься надо.

Бушмаринъ.—А на чьи же деньги тогда Скитъ существовать будетъ?

Чуковинъ.—Какъ? Ты думаешь, что мы живемъ на средства Зотова?

Бушмаринъ.— Да вѣдь землю онъ купилъ, инструменты и орудія онъ купилъ.

Чуковинъ.—Мы землю по участкамъ нотаріально купили у него.

Бушмаринъ.—Много вы заплатили! Третъ стоимости!

Чуковинъ.—Онъ могъ за десятую часть отдать. Да дѣло не въ прошломъ, а въ настоящемъ. Онъ не имѣетъ права поддерживать сношенія съ братьями и оставаться богатымъ человѣкомъ. Вотъ я прервалъ всѣ сношенія съ семьей.

Бушмаринъ.— Мы о вашей семьѣ ничего не знаемъ, но я убѣжденъ, что если вы сюда пришли, такъ вамъ дѣваться некуда. Вотъ для меня было загадкой, почему Боровицкій здѣсь живетъ, а сейчасъ и это стало ясно: его обогнали въ живописи, онъ счелъ себя заживо-погребеннымъ и пришелъ сюда.

Баклансъ.—Шахъ.

Макшановъ.—Еще подождете. *(Закрывается).*

Бушмаринъ.—Здѣсь всѣ заживо-погребенные, кромѣ меня съ Лидой. Макшанова я не считаю: онъ хоть и работаетъ наравнѣ съ нами, но все-таки не нашъ.

Макшановъ.— Да, — не вашъ.

(Справа звуки ноктюрна на пианино.)

Чуковинъ *(недовольно поднимая голову).*— Это кто?

Бушмаринъ.— Это жена моя.

Чуковинъ.— На зло мнѣ!

Бушмаринъ.— Да она и не знаетъ, что вы пришли.

Баклансъ.— Вотъ старый брюзга! Вы никогда не выносили музыки?

Чуковинъ.—Никогда. Я какъ собака вылъ, когда при мнѣ играли.

Бушмаринъ.—Да, вы даже на работахъ пѣть не позволяли.

Чуковинъ.—Я протестовалъ, когда вы пѣли изъ оперетокъ. Вѣдь это безобразіе! Мы всѣ трудимся, а онъ надсаживается: «Какой обѣдъ намъ подавали»...

Бушмаринъ (*напѣвая*).—«Какой обѣдъ намъ подавали!..»

Чуковинъ.—Вы заставите меня уйти отсюда!

Бушмаринъ.—Ну, не буду, не буду!

Макшановъ.—Шахъ!

Боровицкій (*смотрявшій на ихъ игру*).—Ловко!

Баклансъ.—Я вотъ такъ (*отодвигается*).

Макшановъ.—Шахъ! Давно я этого добивался.

Баклансъ.—А я такъ.

Макшановъ.—Шахъ.

Боровицкій.—Сдавайся, лѣкаръ.

Баклансъ (*вставая*).—Ну, васъ: я гамбитами не умѣю.

Макшановъ.—Нѣтъ, вы хорошо играете, но не академично.

Чуковинъ.—А развѣ и въ этой глупости нужна академичность?

Баклансъ.—Во всемъ, брюзга! Я вотъ, можетъ-быть, талантливѣе и сильнѣе Мокшанова играю, но онъ бьетъ меня системой.

Чуковинъ.—Скоро она бренчать перестанетъ?

Бушмаринъ.—Не противьтесь злу.

Чуковинъ.—А я до сихъ поръ не могу понять, Бушмаринъ, что васъ привело въ Скитъ,—зачѣмъ мы вамъ нужны, а вы намъ?—Вѣдь у васъ гдѣ-то имѣнье, люди вы со средствами.

Бушмаринъ.—Я, какъ и вы, хотѣлъ душу въ порядокъ привести,—только не свою.

Чуковинъ.—А чью же?

Бушмаринъ.—Ребятишекъ. Я привезъ ихъ сюда, думалъ,

что избавлю ихъ отъ дурныхъ примѣровъ: отъ лжи, бездѣлья, обжорства, суетности. Къ сожалѣнiю, я вижу, что достигъ этого только отчасти.

Чуковинъ.—Вы достигли только отчасти, а насъ своей сентиментальностью загадили.

Бушмаринъ.—Это я-то сентименталенъ?

Чуковинъ.—Въ какихъ-то кисейныхъ платицахъ дѣвочки ходять, «По небу полуночи ангелъ летѣлъ» декламируютъ, черезъ день ихъ въ ваннѣ моютъ и хинной водой голову обтираютъ.

Баклансъ.—Еще сыграемъ?

Маншановъ.—Нѣтъ,—надоѣло (*встаетъ*). Бушмаринъ коснулся мимоходомъ вопроса, который всегда меня занималъ. Чуковинъ противъ того, что бы здѣсь у насъ воспитывались дѣти. Онъ думаетъ, что они мѣшаютъ тому возрожденiю, къ которому надо стремиться. Я въ основѣ съ этимъ не согласенъ. Я думаю, что ошибка въ томъ, что мы начинаемъ не съ того конца.

Чуковинъ.—А съ какого же начинать надо?

Маншановъ.—Не съ насъ, не съ людей взрослыхъ, людей испорченныхъ, заѣденныхъ рефлексiей,—а именно вотъ съ этихъ нѣжныхъ, маленькихъ, еще непорочныхъ натуръ, которыхъ можно погнуть въ какую угодно сторону. Быть-можетъ, то, что я говорю—утопiя,—но вы представьте такую чудесную картину; мы беремъ за воспитанiе дѣтей. Мы съ самаго ранняго дѣтства внушаемъ имъ, что они призваны въ мiръ затѣмъ, чтобы искоренять зло...

Чуковинъ (*смыется*).—То-есть, вы хотите обмануть ихъ?

Маншановъ.—Почему же обмануть? Напротивъ, ихъ надо убѣдить въ томъ, что они дѣйствительно носители свѣта, что они могутъ и должны стремиться къ истинѣ, къ правдѣ, къ добру, и всѣмъ своимъ существомъ противиться злу. Представьте, что каждый изъ насъ воспитаетъ нѣсколько такихъ непоколебимыхъ фанатиковъ, и тѣ пронесутъ че-

резь всю жизнь эту идею и посвящать себя на то, чтобы въ свой чередъ воспитать десятокъ такихъ же людей? Посмотрите, что будетъ черезъ нѣсколько поколѣній, какимъ новымъ строемъ обновится вся жизнь! А вѣдь мы на дѣтей смотримъ, какъ на случайность, какъ на одну изъ неприятностей жизни. Надо кормить, одѣвать, воспитывать,—и воспитаніе это также скучное, случайная обязанность. Души своей въ это дѣло мы не кладемъ. (*Воодушевляясь*) Мы забываемъ одно: что вѣдь это будущее земли, что они вѣдь примутъ отъ насъ все — все, что создано и нашими предками и нами. Мы — временные владыки. Пройдутъ года, мы ляжемъ въ землю, — и вмѣсто насъ придутъ наши потомки, все возьмутъ себѣ, и хорошее и дурное, и поведутъ впередъ человѣчество. И вотъ, вмѣсто того, чтобы пока дѣти и гибки, и воспримчивы — посѣять въ нихъ сѣмя добра, — вы истощаете свое краснорѣчіе передъ сѣдородными искусившимися людьми, которымъ мѣръ и безъ того уже надоѣлъ своимъ зломъ и неправдой, которые, натворя тысячи мерзостей, бѣгутъ сами спасаться отъ жи міра въ уединеніи, какъ вы говорите — отряхнувъ прахъ отъ ногъ своихъ: — Да какой прокъ отъ такого спасенія вашихъ душъ? Кому оно нужно? На что оно вліяетъ, что оно можетъ дать? — Эгоизмъ свой тѣните — больше ничего!

Чуковинъ. — Все это теорія, далекія отъ жизни. Пока еще дѣтей воспитаете; — пока что... Слышали пословицу: пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ. А тутъ у насъ — прямо люди уходятъ отъ зла, и мы образуемъ интеллигентные центры, которые все же вліяютъ на окружающее и приносятъ пользу.

Макшановъ. — Вотъ я не понимаю, почему вы думаете, что Скитъ интеллигентенъ? По-моему, его интеллигентность очень сомнительна. Весь багажъ философіи здѣсь, право, не высокаго качества.

Чуковинъ. — И чудесно! Намъ и не надо вашего высо-

каго качества. Чортъ съ нимъ, съ этимъ качествомъ и съ интеллигенціей, какъ вы ее понимаете. Вотъ мнѣ хочется собрать здѣсь людей съ надорвавшейся душою.

Маншановъ.—Вотъ-вотъ, мы и договорились: вы хотите собирать людей надорванныхъ, а я хочу создать такихъ крѣпкихъ людей, которыхъ бы жизнь и надорвать-то не могла бы. Собрали вы въ кучу нѣсколько десятковъ чело-вѣкъ, можетъ-быть и хорошихъ,—но никому не нужныхъ...

Чуковинъ.—Ахъ, мы не нужны никому?

Маншановъ.—Да если бъ нужны были, зачѣмъ же было бы вамъ уходить изъ міра? Силъ не хватило бороться со зломъ? Надорвались? Ну, и выходитъ, что это богадѣльня:—мѣсто успокоенія, а не школа. Здѣсь отдохнуть можно отъ жизни, а не новыхъ силъ набраться.

Боровицкій (*хлопнувъ по плечу Маншанова*).—Дѣло!

Чуковинъ.—И старца даже совратили.

Боровицкій (*идя къ двери, поворачивается*).—Ты мнѣ напоминаешь стряпцаго въ одной комедіи Островскаго: ему доказываютъ, что дважды два—четыре, а онъ говоритъ: «не вѣрю,—умомъ я твердъ». (*Уходитъ въ середину*).

Маншановъ.—Поймите, Чуковинъ, я не противъ Скита, но все это палліативы.

III.

Наташа и Лида справа.

Лида (*маленькая, веселая женщина*).—Господа, хотите простокваши! У меня много.

Бушмаринъ.—Дѣло хорошее. Давай, а не спрашивай.

Лида.—А, ты здѣсь. (*Цѣлуетъ его въ голову*).

Чуковинъ.—Вотъ какъ!

Лида.—А вамъ завидно. Такъ я и васъ поцѣлую. (*Цѣлуетъ его въ лобъ*).

Чуковинъ (*откачнувшись*).—Право, я старъ ужъ въ фанты играть.

Бушмаринъ.—Браво, Лидуша!

Лида.—Ха-ха! разсердился! Что вамъ за охота, дѣдушка, вѣчно кукситься: брови сдвинуты, выраженіе такое, точно у васъ изжога. Вы смѣялись когда-нибудь?

Чуковинъ.—Когда глупъ былъ.

Лида.—А можетъ, голубчикъ, вы тогда умнѣе были... Простите, дѣдушка, можетъ, я дерзость сказала? Я еще разъ васъ поцѣлую.

Чуковинъ (*заслоняясь стуломъ*).—Нѣтъ, увольте.

Лида.—Такъ я сейчасъ простокваши принесу. У меня и корица есть.

Наташа.—Я Аришу пошлю.

Лида.—Нѣтъ: она у меня заперта. Я мигомъ. (*Уходитъ направо*).

Чуковинъ (*поводя носомъ*).—Духами послѣ нея пахнетъ.

Наташа.—Не духами, а туалетной водой, это я ей дала.

Чуковинъ *вздыхаетъ*.

IV.

Боровицкій, позднѣе Зотовъ изъ средней двери.

Боровицкій.—Онъ идетъ сейчасъ. Апакушина все нѣтъ?

Макшановъ.—Нѣтъ. Онъ вѣдь пошелъ въ городъ къ слесарю съ починкой.

Зотовъ (*входитъ*).—Всѣ? Извините, меня задержали.

Боровицкій.—Да Апакушина вотъ нѣту.

Зотовъ.—Жаль. Я безъ него не хотѣлъ бы. Я, други, прежде чѣмъ созывать нашу громаду, хотѣлъ въ маленькомъ кружкѣ поговорить. Отъ насъ уходитъ одинъ изъ нашихъ сочленовъ, оказавшій намъ много дѣйствительной и реальной помощи. Это Баклансъ.

Чуковинъ.—Съ чего же это ты?

Баклансъ.—Обстоятельства.

Чуковинъ.—Какія же могутъ быть обстоятельства, коли ты здѣсь во-имя иден?

Баклансь.—Я и туда, куда ѣду—тамъ тоже во-иня идеи.

Чуковинь.—Какой?

Баклансь.—Деньги даютъ. Соскучился безъ денегъ.

Чуковинь.—Да, вѣдь, у тебя практика въ нашемъ городѣ?

Баклансь.—Велика практика! Зимой сто рублей едва соберешь въ мѣсяцъ.

Боровицкій.—Куда же ты ѣдешь?

Баклансь.—Въ Италію.

Боровицкій.—Зачѣмъ?

Баклансь.—Пациентъ наклонился слабогрудный. Воображаетъ, что Сорренто и Сиракузы ему помогутъ. Безъ врача ѣхать не хочетъ.

Чуковинь.—Когда же ты ѣдешь?

Баклансь.—Завтра.

Бушмаринь.—Кого же вы здѣсь оставляете за себя?

Баклансь.—Никого. Да вамъ никого и не нужно.

Бушмаринь.—Но, позвольте — у меня дѣти: я не могу оставаться на зиму безъ врача.

Чуковинь.—Да брось ты своего больного.

Баклансь.—Нельзя,—баранъ длинношерстный. Не могу выдержать, тянетъ на стрижку.

Чуковинь.—Фу! Членъ нашего братства, и позволяетъ...

Баклансь.—Никогда я членомъ никакого братства не былъ. Жилъ здѣсь, пока жилось, старался принести пользу. А теперь вѣтеръ подулъ въ другую сторону, я ухожу. Я никогда не сходилъ съ основными принципами общины,—напротивъ того: считаю ихъ уродливыми и наивными, начиная съ вашего вегетаріанства. Чѣмъ набивать себя чечевицей и горохомъ, гораздо здоровѣе ѣсть мясо и яйца въ ограниченномъ количествѣ. Пьянство вредно,—но въ воспрещеніи пить вино я вижу тоже вредъ для организма.—Да и вообще я не вѣрю въ долговѣчность Скита.

Чуковинь.—Вотъ какъ? Почему же?

Баклансь.—Плохо работаютъ. Работаютъ не для дѣла, а во-имя работы, чтобъ время провести. Въ такую работу я не вѣрю.

Чуковинь.—А! тебѣ бы все пользу жидовскую изъ всего извлекать!

Зотовъ.—Будеть, братья, будетъ, не надо ссориться, не надо. Мы никого держать не властны. Пусть кто хочетъ, уходитъ.

Бушмаринь.—Да, и я васъ предупреждаю, что уйду тоже.

Зотовъ.—Очень грустно это слышать, други, очень.

Боровицкій.—Я тоже долженъ предупредить, что... впрочемъ, это я потомъ скажу тебѣ, Зотовъ.

Зотовъ.—Вотъ, какъ только придетъ Апакушинъ, мы и должны все это обсудить. Я бы Бушмарина не отпуская ни въ какомъ случаѣ.

Чуковинь.—Зачѣмъ онъ намъ?

V.

Лида съ большимъ горшкомъ.

Лида.—Вотъ и простокваша, куда ставить?

Наташа.—Къ намъ на половину, Лидуша, здѣсь Гаврила Петровичъ ѣды не допускаетъ.

Чуковинь.—Что за вадоръ, отчего же не здѣсь?

Наташа.—Мухъ отъ ѣды много разводится.

Чуковинь.—Такъ вѣдь и мухамъ ѣсть хочется...

Наташа.—Я накрою тамъ столъ. *(Кричитъ направо)*
Ариша, чернаго хлѣба дайте на нашу половину!

Ариша.—Ладно.

Зотовъ *(у окна)*.—Темно совсѣмъ, а все нѣтъ Апакушина.

Чуковинь.—Зачѣмъ онъ тебѣ? Глуше мы его?

Зотовъ.—Не будь строптивъ! Мы должны все рѣшать полюбовно. Апакушинъ человекъ горячій, но любящій Скитъ. Безъ него я ничего не предприму. Его мнѣнїе мнѣ очень дорого.

Чуковинь.—А мнѣ не дорого ни на волюсь. Кричить как извозчикъ, а дѣла никакого. Гдѣ у васъ простокваша-то?

Лида (*продвѣз руку подъ его локоть*).—Холодненькая, да густая! Пойдемте, дѣдушка, я васъ доведу. А вы, кажется, улыбнулись. Господи! въ первый разъ,—на простоквашу улыбнулся, слышите, Баклансь!

Баклансь.—Слышу (*идетъ за ними*).

Бушмаринь (*хохочетъ*).—Растаять дѣдъ.

(Всѣ скрываются въ глубину. Наташа ушла раньше. На сценѣ Боровицкій и Зотовъ; Макшановъ убираетъ шахматы).

Боровицкій.—Слушай, Гаврила. Вѣдь мнѣ тоже надо будетъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву.

Зотовъ.—Зачѣмъ?

Боровицкій.—Во-первыхъ, у Наташи, ты знаешь, разводъ. Надо ей кое-что подписать и оформить. А потомъ—меня Бушмаринь очень раззадорилъ... Второй день все о живописи говорить. И такъ у меня зачесались руки...

Зотовъ.—Вотъ одобряю. Тебѣ давно провѣтриться надо. Поѣзжай, братъ, на зиму за границу, а лѣтомъ—опять сюда.

Боровицкій (*мрачно*).—Денегъ нѣтъ.

Зотовъ.—Ну, тебѣ развѣ трудно денегъ достать? Да вотъ у тебя есть десятка два этюдовъ нашего Скита.

Боровицкій.—Кому они нужны?

Зотовъ.—Какъ кому? Да мнѣ нужны. Дорожиться не будешь, возьму. Кстати, сегодня годовой отчетъ отъ своего управителя получилъ. Свободныхъ найдется тысячъ пять. Одну здѣсь—остальныя въ Москвѣ.

Боровицкій.—Ну, ладно. А ты считаешь, что удачны этюды-то?

Зотовъ.—Ну, еще бы! Вотъ я свою московскую галерею и пополню. У меня твоихъ вещей только двѣ.

Боровицкій.—Ну, спасибо! (*Цѣлуетъ его*).

Лида (*въ дверяхъ*).—Господа, тамъ все съѣдятъ.

Боровицкій.—Идемъ, идемъ. (*Уходятъ*).

Маншановъ (*удерживая Зотова*).—Гаврила Петровичъ, на два слова.

Зотовъ.—Что, родной?

Маншановъ.—Мнѣ надо вамъ сейчасъ же сказать нѣсколько словъ и глазъ-на-глазь.

Зотовъ.—Слушаю.

Маншановъ.—То, что я вамъ скажу, вѣроятно, поразитъ васъ, даже, можетъ-быть, оскорбитъ.

Зотовъ.—Я привыкъ ничѣмъ не поражаться и не оскорбляться. Говори, родной мой.

Маншановъ.—Отъѣздъ Боровицкаго ставитъ меня въ ужасное положеніе.

Зотовъ (*высоко поднявъ брови*).—Почему же?

Маншановъ.—Я буду говорить съ вами, какъ съ духовникомъ.

Зотовъ.—Говори.

Маншановъ.—Я... я живу съ Наташей.

Зотовъ — *остается совершенно спокойнымъ, даже глаз не опускаетъ.*

Маншановъ.—Я живу съ нею уже больше мѣсяца.

Зотовъ (*мянко*).—Знаю.

Маншановъ (*изумленно*).—Знаете?

Зотовъ.—Конечно, знаю. Да и Боровицкій знаетъ.

Маншановъ.—И онъ? Поэтому онъ ее и увозить?

Зотовъ.—Едва ли поэтому. Просто ему здѣсь надоѣло. Хочетъ опять подышать воздухомъ мастерскихъ, поработать...

Маншановъ (*взявъ его за обѣ руки*).—Какъ же вы ни мнѣ, ни ей не сдѣлали все время ни одного замѣчанія? Накопецъ, какъ же онъ...

Зотовъ.—Чего же намъ дѣлать вамъ замѣчанія? Вѣдь, слава Богу, годковъ-то вамъ не мало. Ты зналъ, что дѣ-

лалъ, да вѣдь она-то не дѣвочка. Я тебя понимаю, ты далеко не старъ, для женщины, что называется, интересень,— на комъ же ей здѣсь остановиться, какъ не на тебѣ? А ты... что-жъ, она хорошая женщина, и дай Богъ такую всякому, если ужъ кто вмѣстить не можетъ. Она—хорошее сердце, я знаю—и желаю вамъ одного: какъ можно дольше не расходиться.

Макшановъ (*задумчиво проводя по волосамъ*).—Какъ же вы смотрите на наши отношенія съ нравственной стороны. Не могли же вы ихъ одобрять?

Зотовъ.—Да я и не одобрялъ. Хотя я считаю, что ни ты, ни она къ нашей общинѣ не принадлежите и не болѣе, какъ наши гости. Соблазна вы не производили, держались въ сторонкѣ, а я... (*улыбаясь*) А я злу не противился.

Макшановъ (*запустивъ руки въ волосы*).—Что же мнѣ теперь дѣлать?

Зотовъ.—Ты любишь ее?

Макшановъ (*подумавъ*).—Да, я думаю, что люблю. Кажется, что люблю.

Зотовъ.—Ну, когда въ твои годы кажется, то это уже много. Что же вы собираетесь дѣлать дальше?

Макшановъ.—Вы знаете, я женатъ.

Зотовъ.—Да и ея разводъ не конченъ. Ну, чего бы ты теперь хотѣлъ?

Макшановъ.—Я бы уѣхать съ ней куда-нибудь далеко. Куда-нибудь на югъ,—въ Турцію, въ Египеть...

Зотовъ.—А она поѣдетъ съ тобой?

Макшановъ.—Не знаю.

Зотовъ.—Ну, такъ вотъ ты узнай сперва.—Да, вамъ лучше всего уѣхать. И знаешь куда. Есть на Мраморномъ морѣ Принцезы острова,—слыхалъ про нихъ? И есть тамъ островокъ Принкипо, чудесный, весь затонувшій въ зелени. Волны и день, и ночь тихо такъ поютъ у береговъ, воздухъ прозраченъ. Возьмите комнатку въ греческомъ отелѣ

надъ самымъ моремъ, катаетесь на ослахъ и въ каякъ. Я лѣтъ тридцать тому назадъ тамъ былъ съ женой покойницей. Тоже красавица она была.

Макшановъ.—Такъ вы благословяете меня?

Зотовъ.—Благословлять на это не буду, но и противиться не хочу. Поѣзжайте,—любовь всегда хороша. Любвию только люди и живы.

VI.

Изъ среднихъ дверей Наташа.

Наташа.—Апакушинъ пришелъ.

Зотовъ.—А! Ну, и славно. (*Идетъ въ среднюю дверь*).

Наташа (*Быстро подходитъ къ Макшанову*).—Ты слышалъ, мы уѣзжаемъ?

Макшановъ (*весело взялъ ее за руку*).—Кто это мы? Ёдетъ Боровицкій: при чемъ же ты?

Наташа.—Какъ при чемъ я? Что же мнѣ, одной здѣсь оставаться?

Макшановъ.—Ты или уѣдешь со мною, или мы оба здѣсь останемся, а Боровицкій уѣдетъ одинъ. Я сейчасъ говорилъ объ этомъ съ Зотовымъ. Они все знаютъ,—и не отъ меня.

Наташа.—Какъ? Они все знаютъ... Левушка, намъ нужно разстаться. Намъ надо кончить, оборвать навсегда.

Макшановъ.—Ты совсѣмъ съ ума сошла. Теперь разстаться? Мы теперь именно и не должны разставаться.—Мы должны быть вмѣстѣ и будемъ. Я никого не хочу ни видѣть, ни цѣловать, кромѣ тебя. Ты говоришь, что я тебѣ дорогъ. Для кого же и для чего намъ разставаться?

Наташа.—Милый мой: объ одномъ я думаю,—имѣемъ ли мы право свободно любить другъ друга? Вѣдь тамъ, въ Женевѣ, въ больницѣ живетъ несчастное существо,—получеловѣкъ. Вѣдь ты самъ говорилъ, что сознание къ ней можетъ вернуться.

Макшановъ (*разжимая руки*).—Какъ хочешь, Наташа. Насильно я тебя не поведу за собой! Если ты не вѣришь мнѣ, или тебѣ кажется, что ты со мной не будешь счастлива, я не имѣю права настаивать. Но мнѣ кажется, что мы хорошо можемъ съ тобой пойти рука объ руку, и жизнь для насъ будетъ свѣтлѣе, чѣмъ была до сихъ поръ...

Наташа.—Погоди... идетъ кто-то.

VII.

Зотовъ изъ середины.

Зотовъ.—Наташа, поди-ка, тебя зовутъ. (*Она уходитъ*). Слушай, Левъ, я сейчасъ говорилъ съ Боровицкимъ. Какъ я ожидалъ, такъ и вышло. Онъ ничего не имѣетъ оставить ее съ тобой. Онъ даже какъ будто обрадовался, когда убѣдился окончательно въ томъ, что есть. Онъ на время даже радъ, быть-можетъ, освободиться отъ нея. Она, ужъ что ни говори, конечно связываетъ его.

Макшановъ.—Гаврила Петровичъ, разрѣшите мнѣ одинъ вопросъ... Я готовъ на все... Скажите правду: что такое Боровицкій для Наташи?

Зотовъ. Онъ? Ея отецъ...

Макшановъ (*изумленно*).—Отецъ?

Зотовъ.—Конечно, не законный. Онъ былъ очень друженъ съ ея матерью. Она была замужемъ тоже за художникомъ—желчнымъ, чахоточнымъ. Онъ умеръ почти одновременно съ тѣмъ, какъ родилась Наташа. Вышла Наташа замужъ, пока онъ былъ за границей. Потомъ онъ же и настоялъ на томъ, чтобы они разошлись. Тебя онъ любитъ, и, думаю, вѣрить, что съ тобою у нея начнется другая жизнь. Живите въ любви. Отъ души я желаю вамъ счастья. (*Обнимаетъ его*).

Макшановъ.—Спасибо вамъ, спасибо!

VIII.

Изъ середины Чуковинъ, Боровицкй, за ними постепенно входятъ и остальные; между ними и Апакушинъ. Ба-кланса нтъ.

Чуковинъ.—А нужна ли живопись вообще?

Боровицкй. Живопись—одна изъ созидающихъ сторонъ человѣческаго духа.

Чуковинъ.—То-есть, какъ это созидающихъ?

Боровицкй.—Подобіе Божіе, по которому человѣкъ сотворенъ, заключается въ его способности къ творчеству. Животное творить не можетъ. Его работа инстинктивна и дѣлѣ созиданія собственнаго гнѣзда не идетъ. Тогда какъ человѣкъ можетъ творить новые образы.

Чуковинъ.—Я радъ, что ты ѣдешь. Ты вносишь къ намъ нежелательные элементы эстетики. Безъ тебя пойдетъ дѣло лучше. Уѣзжаетъ Бушмаринъ, уѣзжаешь ты—это прекрасно. Мнѣ грустно, что приходится на прощанье говорить тебѣ это, но для меня истина прежде всего. Ты мѣшала здѣсь достиженію ея. Быть-можетъ, съ твоимъ отъѣздомъ мы станемъ на прямую дорогу. Желаю тебѣ силъ и здоровья, всего лучшаго, но встрѣчаться съ тобой болѣе не желаю.

Бушмаринъ (*смѣется*).—Трогательное прощанье!

Апакушинъ (*Наташѣ*).—Видѣлъ я въ городѣ Пешупевича, ходитъ въ синей парѣ, куритъ сигары. Просилъ передать вамъ письмо. Завтра утромъ вернется.

Наташа (*взявъ письмо, читаетъ и медленно подходитъ къ Макшанову*).

Чуковинъ.—Ну, значить и на немъ надо крестъ поставить.

Апакушинъ.—А только я стадо пасти не буду.

Наташа.—Прочти. (*Они оба на авансценѣ*).

Макшановъ (*читаетъ*).—«Ваше дѣло улажено. Все обстоитъ благополучно, и даже находится въ блестящемъ фа-

зисѣ. Послѣзавтра увидимся».—Ну, вотъ приѣдетъ, узнаемъ, въ чемъ дѣло.

Наташа.—Когда онъ уѣзжалъ, я ему сказала, что отъ мужа не возьму ни гроша. Мѣсяць назадъ еще могли быть колебанія, а теперь—ты самъ понимаешь,—это невозможно...

Макшановъ.—Ну, конечно.

Зотовъ.—Ну, други, присядемъ. Грустное будетъ у насъ сегодня собраніе. О тяжелыхъ вещахъ приходится говорить

Чуковинъ (бормочетъ).—Ничего грустнаго.

Зотовъ.—Какъ будто нѣсколько пошатнулось дѣло Скита.

Чуковинъ.—Вздоры! Не можетъ оно пошатнуться.

Апанушинъ.—Въ самомъ дѣлѣ, съ чего бы ему шататься?

Зотовъ.—Несогласій много, нестроений.

Апанушинъ.—Насъ здѣсь тридцать человѣкъ въ Скитѣ,—захотѣли вы, чтобы мы въ ногу ходили. Сколько людей, столько мнѣній. Двое останутся: я да Чуковинъ—и съ утра до ночи у насъ будетъ разногласіе. Такъ устроенъ человекъ, и избѣжать этого нельзя.

Чуковинъ.—Надо закрыть окно; свѣчи задуваетъ.

Бушмаринъ.—Опять хотите духоту заводить, и такъ дышать нечѣмъ.

Чуковинъ.—Да вѣдь за окномъ дождь, сырость.

Апанушинъ.—Ну, вотъ вамъ, даже изъ-за такого вздора разошлись.

Боровицкій.—Наташа, дай свѣчи въ стеклянныхъ шарахъ, что я привезъ изъ города.

(Наташа уходитъ въ среднюю дверь. Слыи:

Чуковинъ—слѣва, спитой къ окну. Потомъ

Апанушинъ, потомъ Зотовъ. Дальше группой Бушмарина, Наташа и Макшановъ.

Боровицкій стѣлъ къ столику на кровать Макшанова и началъ рисовать. Бушмаринъ возмъ нею).

Зотовъ.—Вотъ, други, уходитъ отъ насъ Баклансъ. Ищетъ, гдѣ лучше. Будемъ надѣяться, что опять къ намъ вернется. Уходитъ и Бушмаринъ съ семейю: говорить, что разочарованъ въ насъ, что не того ждалъ здѣсь встрѣтить. Наконецъ, уѣзжаетъ и нашъ славный художникъ Боровицкій. Такимъ образомъ, Куть сиротѣтъ, лишились сразу столькокихъ крупныхъ силъ.

(Наташа приноситъ стѣчи въ стеклянныхъ шарахъ, а прежнія убираетъ).

Апакушинъ.—Это очень печально. И что же это, господа, вы всѣ сразу, какъ журавли къ отлету, подымаетесь?

Боровицкій.—Молодежь меня ждетъ въ Москвѣ. Несогласія поднялись, междуусобицы, больше чѣмъ здѣсь. Было время, меня тамъ слушали и любили. Если не забыли, послушаютъ и теперь. Я тамъ нужнѣе, чѣмъ здѣсь. Иду миръ водворять.

Чуковинъ.—Эстетику поддерживать; эхъ, люди!

Бушмаринъ.—Да не скрипите вы, старецъ! Вѣдь надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, какъ поколебалась подъ Кутюмъ почва. Въ такомъ видѣ, какъ теперь, Куть существовать не можетъ. Реформа необходима.

Зотовъ.—Вотъ мои слова! Ты, Апакушинъ, что скажешь?

Апакушинъ.—Первымъ дѣломъ надо установить правильность выхода на работу; потомъ отвѣтственность за порчу инструментовъ; выучиться чинить ихъ, а затѣмъ надо правильно регулировать запасы, и для этого выбрать эконома. При такомъ веденіи дѣла, я вѣрю въ то, что Скитъ можетъ и процвѣтать, и привлекать новыхъ скитниковъ. Я вообще за централизацію власти; у насъ отъ того распушенность, что Зотовъ слишкомъ мягокъ.

Чуковинъ.—Не тебя ли выбрать для централизаціи власти?

Апакушинъ.—Меня ли, другого кого, но только онъ долженъ требовать ото всѣхъ работы, а не занятій художнической философіей. Вѣдь у насъ половина времени проходитъ

въ томъ, что мы занимаемся метафизикой, которая живому человѣку со стороны смѣшна.

Чуковинъ.—Что же смѣшно-то?

Лида.—Дѣдушка! А вотъ то, что вы сегодня утромъ съ Сущенкой говорили, это было очень смѣшно.

Чуковинъ.—О чемъ мы говорили?

Лида.—Она у васъ спрашивала, если бы на нее напали разбойники съ цѣлью грабежа и насилія, что она должна бы сдѣлать? А вы ей что отвѣтили?

Чуковинъ.—Я сказалъ, чтобы она не сопротивлялась, а постаралась только убѣдить разбойниковъ, что поступки ихъ гадки.

Лида (*хохочетъ*).

Чуковинъ.—Чего вы?

Лида.—Ужасно, дѣдушка, смѣшно, ужасно!.. Сущенко такъ и заявила всѣмъ, что сопротивляться не будеть...

Чуковинъ (*строю*).—А христіане въ римскомъ циркѣ оборонялись развѣ отъ звѣрей! Они только гимны пѣли.

Бушмаринъ.—А вы даже и пѣть не позволяете. Я видѣлъ въ другихъ такихъ же скитахъ, какъ и нашъ, насколько тамъ процвѣтаетъ пѣнье. Я былъ на годовщинѣ одного поселка, видѣлъ, какъ тамъ играли, пѣли, ставили живыя картины.

Чуковинъ.—Ну, вотъ въ этотъ поселокъ и поѣзжай.

Бушмаринъ.—И чего мы боимся веселья? Отчего мы не танцуемъ по воскресеньямъ, не фертуемъ, не джигитуемъ? Я бы завелъ и гимнастику и гишподромъ...

Апакушинъ.—Я бы первымъ дѣломъ пожарное депо завелъ. Хорошихъ водокачекъ выписалъ.

Чуковинъ.—Да вѣдь у насъ застраховано. Сгоримъ—новое построимъ.

Апакушинъ.—А не лучше ли потушить, чѣмъ строиться вновь?

Чуковинъ.—Нѣтъ, лучше строиться.

Апакушинъ.—Смѣнешся ты надъ нами или нѣтъ?

Чуковинъ.—Нѣтъ, я только удивляюсь вашей косности, вашей тупости. Вамъ старосту нужно съ палкой, который бы васъ билъ, вотъ тогда вы будете счастливы.

Апакушинъ.—Ну, а я тебѣ вотъ что скажу: я не желаю быть предметомъ насмѣшекъ для окрестныхъ крестьянъ. А надъ нами смѣются.

Чуковинъ.—Да пусть!

Апакушинъ (*горячо*).—Нѣтъ, не пусть! Если бъ это былъ грубый смѣхъ невѣжды, тогда это было бы другое дѣло,— а они правы, слышишь ты: они правы. Мы смѣшны.

Чуковинъ.—Чѣмъ это?

Апакушинъ.—Нельзя идти на сѣнокосъ съ книжкой въ карманѣ, и половину дня читать лежа подъ кустомъ. Нельзя молотить и обдумывать ученые трактаты.

Чуковинъ.—Такъ значить, читать менѣе полезно, чѣмъ косить?

Апакушинъ.—Во время сѣнокоса, да.

Чуковинъ.—Да чортъ съ нимъ, съ сѣнокосомъ, пусть сѣно пропадаетъ.—Мы не для выгодъ работаемъ.

Апакушинъ.—А я бы вотъ изъ-подъ куста такого читателя палкой.

Чуковинъ (*вставая*).—Ну, если такъ, если колонія додумалась до палки, то я презираю эту колонію. Я считаю позоромъ самое существованіе Кута на такомъ фундаментѣ Но, къ счастью, я увѣренъ, что это единичное мнѣніе. Жестоко скорблю о малоуміи нѣкоторыхъ изъ сочленовъ, но все же въ общину нашу вѣрю. Скажу только одно: да неужто Апакушинъ вѣрить въ то, что отъ удара, даже плетью,—возьмемъ самое рѣзкое,—что отъ удара плетью убѣжденный человѣкъ, занятой книгой, встанетъ, почувствуетъ этотъ ударъ.

Апакушинъ.—Ну, если бы я вытянулъ,—меня бы почувствовалъ. Анаоемски бью.

Чуковинъ.—А развѣ мученики на ауто-да-фе чувствовали пламя?

Апакушинъ.—Такъ вѣдь то мученики!

Чуковинъ.—Слава Богу! Твои единомышленники насъ оставляютъ. Вотъ бы и ты съ ними отправился. (*Садится*).

Зотовъ (*нахмураясь*).—Чуковинъ, твое мнѣніе неумѣстно. Ты можешь думать и поступать, какъ хочешь, но требовать тираническаго подчиненія себѣ не имѣешь права,—и въ извѣстныя минуты долженъ сдерживаться.

Чуковинъ (*ударивъ кулакомъ по столу*).—Не стану я сдерживаться. Не меня одного касается это, а всей колоніи. Я, какъ старѣйшій колонистъ, долженъ блюсти и очищать ее отъ плевелъ. Я никого не выживалъ и не выгонялъ,—но чѣмъ больше отъ насъ отсюда уѣдетъ, тѣмъ будетъ лучше.

Зотовъ.—Такъ ты и обо мнѣ скажешь, если я уйду?

Чуковинъ.—Что я тогда скажу—это мое дѣло. Но думаю, что и ты здѣсь скорѣе помѣха, чѣмъ подспорье.

Бушмаринъ (*женъ*).—Это идиотъ какой-то!

Зотовъ (*нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ, оглядывая всѣхъ*).—Что-жъ, братья, если съ Чуковинымъ всѣ согласны, я готовъ уйти. Мнѣ, вѣдь, старику, ничего не надо.

Апакушинъ.—Какъ уйти! полно! Давай дѣло говорить. Наша колонія пронасть не можетъ. Всѣ разойдутся, я одинъ останусь,—и все-таки поле будетъ выпажано, рожь сжата и посѣвы въ порядкѣ.

Чуковинъ.—И я не уйду.

Апакушинъ.—Значить, дѣло Скита обезпечено. Но отпустить отъ себя Зотова, нашего учителя, основателя нашей колоніи—это мы не можемъ. Вѣдь весь нашъ инвентарь купленъ имъ, на его деньги. Вѣдь у насъ ничего своего нѣтъ. Что же ты хочешь, чтобъ онъ все это бросилъ намъ, какъ подачку собакамъ, отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ и ушелъ?

Чуковинъ —Зачѣмъ? Мы купимъ у него. Заплатимъ не сразу, а въ разсрочку.

Апакушинъ (*чуть не съ тной у рта*). — Да какое мы имѣемъ право такъ относиться къ человѣку, который для Скита важнѣе въ десять разъ, чѣмъ всѣ Чуковины, вмѣстѣ взятые?

Зотовъ (*овладѣвъ собою, спокойно*). — Здѣсь моего ничего нѣтъ. Все это не мое, а общее. Что я далъ, того назадъ не беру. Мнѣ ничего не надо, и то, что я покупалъ, я покупалъ не для себя, и даже не для Иванова и Карпова, а для игрека и зета, которые могутъ быть завтра Поливановымъ и Поликарповымъ. Это не ваша собственность. Это скитскій инвентарь. Съ этой стороны Апакушинъ ошибается.

Апакушинъ (*про себя*). — Я смотрю на вещи, какъ онѣ есть...

Зотовъ. — А зачѣмъ, я, основывая колонію, собиралъ въ нее пионеровъ и думалъ, что понимаю и сознаю цѣль колоніи. Но оказывается, что другіе знаютъ это лучше. Что-жь, я готовъ отстраниться и дать другимъ дорогу.

Лида. — Дѣдушка, просите у Гаврилы Петровича прощенья: скажите, — никогда не буду.

Зотовъ. — Оставьте его, Лида. Пусть каждый имѣетъ свое мнѣніе.

Лида (*слезка обнявъ Зотова*). — Безъ васъ жить здѣсь нельзя. Мы сюда не пристали, мы — не вашей масти, безъ насъ вы легко обойдетесь. То, что Петя дѣлаетъ, вамъ за пять рублей въ мѣсяцъ любой работникъ сдѣлаетъ. А вы — душа всего.

Бушмаринъ. — Вѣрно, Лидуся! Вынь душу, останется одинъ трупъ.

Лида (*цѣлуетъ въ голову Зотова*). — Покойной ночи, милый! Не слушайте злыхъ и старыхъ людей, дѣлайте свое дѣло. А я къ дѣтишкамъ своимъ, посмотрѣть, какъ онѣ спятъ.

Зотовъ (*цѣлуя ее въ щеку*). — Иди, дѣтушка, Господь съ тобой.

Лида (*цѣлуя Наташу*).—До завтра, тетя Ната. Прощайте, господа (*Чуковину*). А съ вами и прощаться не хочу!
(*Уходитъ направо*).

Чуковинъ (*ей вслѣдъ*).—Да и не надо!

Зотовъ.—Я созвалъ васъ поговорить сегодня о будущности Свита, — хотѣлъ предложить вамъ именно проектъ распредѣленія обязанностей нашихъ сочленовъ.

Чуковинъ (*про себя*).—Новые департаментскіе штаты.

Зотовъ (*не обращая на него вниманія*).—Но дѣла наши осложнились и отъѣздомъ нашихъ собратій,—и, наконецъ, тѣми положеніями, которыя ставитъ Чуковинъ.

Боровицкій.—Да охота тебѣ придавать этому значеніе.

Зотовъ.—Я не могу не придавать значенія его словамъ. Мое положеніе здѣсь мыслимо только тогда, когда я не возбуждаю и тѣни неудовольствія. Я, какъ жена Цезаря, долженъ быть выше подозрѣній.

Апакушинъ.—Тогда никогда у насъ не будетъ человѣка, которому бы мы довѣряли, къ которому бы ходили, какъ къ верховному судѣ, для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ, потому что всегда найдется песь, который его облаетъ.

Чуковинъ.—Да на кой чортъ намъ верховные судьи? Неужели мы безъ pontifex maximus жить не можемъ!

Зотовъ.—Ну, вотъ видите, оказывается, что и главы никакой не надо.

Чуковинъ.—И не надо. Намъ нужна простота: дикая, грубая, честная. Не надо намъ ни сладкихъ словъ, ни кисло-сладкихъ поученій. Намъ нужно мыслить, питаться и...

Бушмаринъ.—И размножаться...

Чуковинъ.—Да, и размножаться,—только не рожая дѣтей, а привлекая своимъ примѣромъ новыхъ сочленовъ. Главное, повторяю—нужна намъ простота и искренность.

Зотовъ.—Ты меня хочешь почему-то заподозрить въ неискренности,—почему? Я популярности не добиваюсь. Я основываю уже вторую общину, основываю тихо, по воз-

возможности уклоняясь от всякой гласности,—и ставя одно только условіе колонистамъ: отсутствіе какихъ бы то ни было соціально-политическихъ принциповъ и даже намека на сектантство. Никто меня никогда не толкалъ на это, не требовалъ отъ меня никакихъ денегъ. Я все это дѣлалъ по внутреннему побужденію. Мнѣ казалось, что я принесу пользу, если даже опыты мои будутъ неудачны. Дѣлалъ я это, какъ умѣлъ,—но искренно.

Чуковинъ.—Неправда.

Апанушинъ.—Да дай ты ему говорить, идола!

Зотовъ (*встаетъ*).—Я не понимаю, въ чемъ меня обвиняетъ Чуковинъ? Въ томъ, что я проповѣдовалъ одно, а дѣлалъ другое? Въ томъ, что я получалъ какой-нибудь интересъ отъ этихъ колоній? Скажи, Чуковинъ, только просто, не сердясь,—въ чемъ ты обвиняешь меня?

Бушмаринъ (*Боровицкому*).—Поразительное сходство. Смотрите, Макшановъ. (*Передаетъ ему бумагу, на которой рисовалъ Боровицкій*).

Макшановъ (*смѣется*).—Да, удивительно!

Апанушинъ (*перейдя сзади Зотова направо*).—Смотри, Чуковинъ, до чего ты похожъ. И задоръ въ глазахъ.

Чуковинъ.—Мнѣ мазня ваша не интересна.

Апанушинъ.—Подарите мнѣ, я вставлю въ рамку и подпишу: «Всегда за истину, даже въ ущербъ здравому смыслу».

Боровицкій.—Да берите.

Чуковинъ (*потрясая волосами*).—Ну, что же, я и отвѣчу. Да, я не боюсь правды. Я старый, потерявшій на своемъ дѣлѣ зубы, учитель. Училъ весь вѣкъ, буду учить и на старости лѣтъ. Училъ мальчиковъ, теперь буду учить и старцевъ.

Зотовъ.—Я слушаю.

Чуковинъ.—Ты говоришь, что основывалъ колоніи съ чистымъ намѣреніемъ. Да въ этомъ тебя никто и не упрекаетъ. Но дѣло въ томъ, что тебя твои пленцы переросли. Ты—ку-

рица, что высидѣла утятъ: они плывутъ отъ берега, а она на берегу кудахчетъ.

Зотовъ.—Тѣмъ болѣе, значить, мнѣ надо уйти.

Чуковинъ.—Но это еще не бѣда. Ну, отсталъ ты отъ идей, застрялъ въ своей трясины, — это не грѣхъ. А дѣло въ томъ, что ты, на своемъ мѣстѣ—глава колоніи—долженъ быть свѣтлымъ, какъ хрусталь. Ты правъ, тебя не должна коснуться и тѣнь подозрѣнія. Дѣло наше святое и чистое.

Зотовъ.—Это уже обвиненіе, и тяжкое!

Чуковинъ (*возвышая голосъ*).—Да, да! Чистымъ надо быть, свободнымъ отъ тѣхъ наносовъ, что держать человѣка въ плѣну. Надо освободиться отъ дьявола, сбросить его цѣпи, тогда можно идти смѣло за дыханіемъ чистаго духа!

Апанушинъ (*смѣясь*).—Что же, Зотовъ въ цѣпяхъ дьявольскихъ?

Чуковинъ (*багровѣя*).—Да! Да, онъ весь въ сѣтяхъ, и только вамъ, наивнымъ дѣтямъ, кажется чистымъ. Мы пришли сюда, чтобъ сбросить съ плечъ всю ношу міра сего, которая только бременить насъ, и мы поклялись ее сбросить. А сбросилъ ли ты ее? (*Встаетъ*). Отвѣчай,—я на судъ зову тебя. И ты мнѣ можешь только одно отвѣтить: «нѣтъ, мой грѣхъ,—на мнѣ она, и нѣтъ силъ ее сбросить!»

Зотовъ.—Ты на судъ меня зовешь? Ты обвиняешь меня въ чемъ-то? Въ чемъ же? Я готовъ отвѣчать. Говори.

Чуковинъ.—Въ томъ, что ты твердишь о суетѣ міра, а суета эта охватила тебя. Она виситъ надъ тобою, она, какъ ярмо воду, давитъ тебѣ шею, и ты не можешь отъ нея освободиться. Ты не видишь за ней яркаго солнца, ты неба не видишь, ты смотришь только внизъ, подъ ноги, боишься оступиться, чтобы не разронять той благостыни, что несешь у себя на спинѣ. И дальше узкой тропинки на двѣ сажени впередъ,—нѣтъ у тебя кругозора. И ты давно уже своротилъ въ сторону, идешь къ намѣченной цѣли и не видишь, не замѣчаешь этого: небо отъ тебя скрылось

навѣки, и путеводныя звѣзды не для тебя свѣтять. Такъ какой же ты повадирь,—не мѣшай, не заслоняй дороги другимъ, не сбивай ихъ съ прямого пути...

(Останавливается, тяжело дыша).

Зотовъ *(прищурясь, и исподлобья смотритъ на него. Пауза).*—Знаешь, что въ тебѣ говорить? Дурное чувство, недостойное тебя, грѣховное.

Чуковинъ.—Во мнѣ?.. Что же?..

Зотовъ *(опять послѣ паузы, отчетливо, но спокойно).*—Зависть! *(Дѣлаетъ шагъ къ двери. Чуковинъ застываетъ ему дорогу).*

Чуковинъ.— Нѣтъ, постой, я не пушу тебя, пока ты мнѣ не дашь отвѣта въ своихъ словахъ.

Зотовъ.—Никому никакихъ отвѣтовъ я никогда не даю. Въ чемъ ты упрекаешь меня? Въ томъ, что былъ у меня сегодня управляющій моихъ братьевъ и мой—и привезъ мнѣ годовой доходъ съ имѣнїи? Да. Что же, я долженъ отказаться отъ него, не брать? Оставить братьямъ, сестрамъ? Но они и безъ того богаты. Ты спросишь, куда же дѣваются эти десятки тысячъ, получаемыхъ мною процентовъ?—У меня есть на мѣстѣ моей родины прїютъ на двѣсти ребячь, который мнѣ стоитъ свыше двадцати тысячъ въ годъ. Ребятъ тамъ и учать, и кормятъ, и воспитываютъ, и обучаютъ. У меня есть два дома трудолюбія, которые мнѣ стоятъ еще дороже. Я выдаю стипендіи на ученье моимъ землякамъ. У меня на пенсіи вдовы и сироты. Я нищъ, потому что къ концу года у меня не остается ни гроша. Я не говорилъ этого ни тебѣ, ни другимъ нашимъ братьямъ никогда, потому что считалъ это хвастовствомъ и самохвалствомъ. Но теперь говорю, потому что ухожу отсюда. Завтра я послѣдній день здѣсь.

Апанушинъ *(Чуковину).*—Эхъ, старина, смотри! На тебя этотъ грѣхъ ляжетъ.

Чуковинъ *(убѣжденно).*—Не ляжетъ! Я развѣ противъ

Зотова говорю, развѣ противъ его пріютовъ! Пусть ими забавляется, намъ-то что! Я про то говорю, что намъ чловѣкъ не нуженъ, у котораго душа болитъ по чужому дѣлу. И то его беспокоить, и другое: такія, молъ, деньги плачу, что-то тамъ безъ меня, какъ они извертываются? А намъ такой чловѣкъ нуженъ, который все бы намъ отдалъ, и тѣло, и душу. Бушмаринъ намъ не нуженъ: онъ къ женѣ прилѣпился; Боровицкій насъ всегда на ящикъ съ красками смѣняеть,—и ты, Гаврила, тоже. И у тебя твои деньги за спиной. Мнѣ все одно, на что ты ихъ сорипшь—на пьянство, или на рабочіе дома. Мнѣ важно то, что половина твоей души, даже не половина, а хоть десятая доля—не съ нами. И по-моему, ты ужъ не нашъ тогда. А ты приходи въ чемъ есть, стань среди насъ на колѣни, да скажи: весь я вашъ, берите меня, какой я есть, худой ли, хорошій ли, а только работникъ я вашъ, пока силъ хватаетъ. Вотъ тогда и примемъ мы тебя и поклонимся тебѣ земно, и скажемъ: «володѣй нами, Гаврила,—чище ты насъ всѣхъ». А когда у тебя миллионы за пазухой,—такъ гроша ты мѣднаго для насъ не стоишь, такъ и знай!

(Уходитъ).

Зотовъ.—А что, дѣтки,—можетъ, и правъ онъ?—Можетъ-быть, я старъ и слабъ, въ самомъ дѣлѣ?—Надо объ этомъ поразмыслить.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декорация перваго акта. Спрое утро. Мороситъ мелкій дождикъ, — степь вся затянута ею блесовато-лиловой стѣнью.

I.

Апакушинъ и Пепулевичъ сидятъ подъ деревомъ у стола. Пепулевичъ въ синемъ костюмѣ и черномъ котелкѣ. Пан-

талоны у него высоко подогнуты. Держитъ надъ собою зонтикъ.

Пепулевичъ.—Всего на пять дней уѣхалъ, и такія дѣла!— Да когда вы успѣли настолько разложиться? Боровицкій, ты говоришь, вчера сбѣжалъ?

Апакушинъ.—Вмѣстѣ съ Баклансомъ. Началь увѣрялъ, что кого-то нужно ему мирить въ Москвѣ, что безъ него тамъ всё погибнуть.—Просто, какъ говоритъ Зотовъ, его здѣсь тиной затагнуло, и въ проточную воду захотѣлось.

Пепулевичъ.—Что Баклансъ долженъ былъ удрать, это я подь секретомъ давно зналъ:—онъ давно сообщилъ мнѣ, что на стрижку идетъ,—а вотъ художникъ меня, признаюсь, поразилъ.

Апакушинъ.—Да закрой ты зонтикъ, какъ тебѣ не стыдно! Купилъ гадость, и налюбоваться не можетъ.

Пепулевичъ.—Почему же гадость? Я десять рублей заплатилъ: петербургская работа. Не могу же я на дождѣ въ новомъ платьѣ.

Апакушинъ.—И дождя-то нѣтъ никакого.

Пепулевичъ (*подержавъ руку ладонью книзу, чтобы убраться въ словахъ Апакушина, закрываетъ зонтикъ*).

Апакушинъ (*продолжая безъ перерыва*).— Ты сейчасъ только пріѣхалъ?

Пепулевичъ.—Да вотъ съ полчаса, — и прямо заѣхалъ сюда, потому что у меня къ Натальѣ Константиновнѣ слѣшное дѣло. Но вхожу—и вижу нѣчто необычное. Чемоданъ по серединѣ комнаты, бумажки, веревочки, разорванные конверты, и самъ Зотовъ на корточкахъ у чемодана. Наталья возбуждена, Макшановъ тоже точно обалдѣлъ; я говорю, а вижу—они смотрятъ и ничего не понимаютъ. Одно твердятъ: Гаврила Петровичъ сейчасъ уходитъ.

Апакушинъ.—Да, онъ сейчасъ уйдетъ. Еще вчера хотѣлъ, да дѣла въ порядокъ приводилъ.

Пепулевичъ.—Что же онъ—совсѣмъ?

Апакушинъ.—Не знаю.

Пепулевичъ.—Ну, а Наталья-то какъ же?

Апакушинъ.—Она, кажется, остается. — Мнѣ было бы жаль, кабы она ушла. Вѣдь ужъ что ни говори, — ни Сущенко, ни Холодовская на женщинъ не похожи, а эта все-таки напоминала собой, что на землѣ женскій родъ не вымеръ.

Пепулевичъ.—Те-те,—да ты женофилъ.

Апакушинъ.—Никогда и не скрывался. А что это за возъ здѣсь у воротъ, парой запряжень?

Пепулевичъ.—А это двѣ водокачки пожарныя. Завтра бочки придуть.

Апакушинъ (*радостно*).—Ну! Зотовъ купилъ?

Пепулевичъ.—Нѣтъ... это пожертвованіе отъ неизвѣстнаго.

Апакушинъ.—Что ты врешь, отъ какого неизвѣстнаго?

Пепулевичъ.—А вотъ неизвѣстные миллионъ на университеты жертвуютъ; такъ отъ такого.

Апакушинъ.—Ты, кажется, тоже постригъ кого-то?

Пепулевичъ.—Ни Боже мой! воспрещено здѣшнимъ закономъ. Просто съ паршивой собаки стянулъ шерсти клокъ.—А трубы—это только надбавка. Знаешь, какъ въ лавкахъ на припекъ вѣсу прибавляютъ.

Апакушинъ.—Что-то ты путаешь? пріѣхалъ на тройкѣ, зонтикомъ вертитъ,—увидитъ Чуковинъ, плеватьса будетъ.

Пепулевичъ.—Не будетъ. Не всякая вещь такова, какой кажется снаружи. Слыхалъ, какъ одна барыня ягоды покупала. «Пожалуйте, сударыня, черная смородина»;—А отчего же она красная?—«А оттого, что она зеленая».—На платьѣ мое не смотри—переодѣться пять минутъ. Я, какъ Навуходносоръ—поцарствую, а потомъ на четверенькахъ пойду. Мнѣ только нужно два слова съ Наташей.

Апакушинъ.—Пилъ въ городѣ?

Пепулевичъ.—Кромѣ помри-секъ ничего. Я, братецъ, нью, когда мнѣ жутко. Какъ жуть эта самая нахлынетъ.

со всѣхъ сторонъ, да начнетъ сосать,—вотъ тогда я и закипаю. А теперь я, напротивъ, въ самомъ блаженномъ состояніи. Чувствую любовь къ ближнему такую, какой никогда не чувствовалъ. Знаешь, былъ у меня въ жизни моментъ, когда я все до копейки въ карты проигралъ, жена обидѣлась и уѣхала съ ротмистромъ драгунскимъ въ Парижъ.—Такъ вотъ въ эти моменты испытанія я такъ ненавидѣлъ своего ближняго, такимъ онъ мнѣ казался подлецомъ, — что каждый воробей былъ для меня милѣе. А теперь, вотъ щипнулъ я этотъ самый клокъ отъ собачонки, и вдругъ такую безпредѣльную любовь къ людямъ ощутилъ, что кажется—міръ бы обнялъ.

Апанушинъ.—Ты это все къ чему?

Пепулевичъ.—Къ тому, сколь разнообразны человѣческія натуры. Иныхъ горе смягчить,—меня же оно непромокаемымъ сдѣлало.—А теперь—едва вотъ счастье однимъ глазкомъ посмотрѣло, и я какъ кринь сельный цвѣту, и весь размякъ.

Апанушинъ.—Да и ты не собрался ли уходить?

Пепулевичъ.—Я! Да я васъ всѣхъ здѣсь переживу. Хатки развалятся, какъ Тимонъ Аѳинскій буду въ берлогѣ жить, но не уйду.—Изрѣдка потихоньку, подъ видомъ покупокъ, въ городъ съѣзжу, отведу душу, а потомъ опять назадъ. Хочешь, я тебѣ два секрета скажу? Первое: видишь этотъ свертокъ? Здѣсь честь моя завернута. Была она въ отпуску,—назадъ ее домой принеси. А теперь — второй мой секретъ.

Апанушинъ.—Ну-ка?

Пепулевичъ.—Этотъ неизвѣстный - то, что милліоны на университеты жертвуетъ, что насосы-то прислалъ... Онъ поручилъ мнѣ всѣ закупки, нужныя для Скита, сдѣлать. «Провіантскій магазинъ, говорить, постройте, запасы на зиму. Къ веснѣ, говорить, лошадокъ получше,—да и коровенокъ холмогорскихъ вамъ завести надо. Потомъ, говорить,—

рабочихъ надо позвать: въ трехъ хатахъ крыша протекла». — Сапожника хотѣлъ на мѣсяцъ прислать, чтобъ это самое ремесло мы осилили.

Апакушинъ. — Да что ты дичь несешь?

Пепулевичъ. — Что-жь, и дичь бываетъ на пользу человеку, ежели она свѣжая. — А вотъ знаешь, что я тебѣ скажу? Прожилъ я шесть дней въ гостиницѣ. Ълъ омары, одѣлся въ первомъ магазинѣ у Шмуля Ицкаговича Рахмелевича, спалъ въ комнатѣ съ синими драпировками, — и такъ меня въ нашъ Скитъ тянуло, такъ онъ издали былъ мнѣ милъ, что я три рубля ямщику на водку далъ, за то чтобы онъ восемнадцать верстъ въ часъ проскакалъ. И какъ завидѣлъ я наши низенькія крышки, бѣлыя трубы, чахленькія вербы, да тополя, — такъ и выиграло сердце, и зацемило. Кабы не грязь, выпрыгнулъ бы изъ тарантаса и землю цѣловать началъ. Привыкаетъ человекъ къ мѣсту, привыкаетъ ко всякой гадости...

II.

Зотовъ и Макшановъ съ крыльца. На Зотовъ большіе сапоги.

Зотовъ. — Ты меня видѣть, милый, хотѣлъ?

Пепулевичъ. — Нѣтъ, я къ Натальѣ Константиновнѣ.

Зотовъ. — Пройди въ домъ, она теперь свободна. Укладываться мнѣ помогала. — А что же ты такъ расфрантился?

Пепулевичъ. — Не обращайтесь вниманія на оболочку... Еще Шекспиръ сказалъ, что вмѣя отъ шкуры не дѣлается добрѣе.

Зотовъ. — Да мнѣ все равно, а другіе найдутъ, что соблазнъ. Ужъ ты тѣмъ соблазнилъ сегодня Скитъ, что на тройкѣ пріѣхалъ.

Пепулевичъ. — А насосы пожарные видѣли?

Зотовъ. — Видѣлъ и недоумѣвалъ, откуда.

Пепулевичъ. — Это намъ за простоту нашу посылается.

(Уходитъ въ домъ).

Зотовъ.—Ну, вотъ и время разлуки пришло. Свидимся ли когда?

Апанушинъ.—Съ чего жъ намъ не свидѣться?

Зотовъ.—Старъ ужъ я сталъ. То тутъ, то тамъ побаливаетъ,—нѣтъ прежней мощи. И мускулы не тѣ, и мозгъ какъ-то вяло, тускло работаетъ.

Апанушинъ.—Это временная усталость. Пройдетъ.

Зотовъ (*посмотрѣлъ на простые черные часы, что висятъ у него на груди на стальной цѣпочкѣ*). Время. Поди, Апанушинъ, скажи что я уйду. Вчера всѣ хаты я обошелъ, простился,—но многие хотѣли еще разъ попрощаться. Такъ оповѣсти, кто хочетъ...

Апанушинъ (*онъ, видимо, нервничаетъ*).—Ну, ладно! (*Уходитъ въ ворота*).

Зотовъ.—Кажется, все? (*Ощупываетъ себя*). Ничего не забыть.

Макшановъ.—Вы пѣшкомъ?

Зотовъ.—Да. Восемнадцать верстъ всего. А чемоданчикъ мнѣ казакъ Рогожа къ вечеру въ городъ доставить. А ты долго думаешь здѣсь остаться?

Макшановъ.—Не знаю, какъ Наташа.

Зотовъ.—Теперь здѣсь такая мокрота начнется. Да и мѣшать вамъ будутъ. Сущенко шныряетъ вокругъ—ревнуетъ тебя.

Макшановъ.—Что вы?

Зотовъ (*улыбается*).—Я тебѣ говорю. И лучше отъ смуты и соблазновъ уѣзжайте. Ну, давай имъ Богъ безъ меня прожить въ согласіи. Я много эти два дня думалъ о Скитѣ. И вотъ мое мнѣніе. Неудачны ни мысль, ни планъ и ни ихъ осуществленіе: неудаченъ случайный подборъ членовъ общины. Мало связи между ними: люди слишкомъ разныхъ воспитаній и взглядовъ,—нѣтъ единства. Въ монастырѣ всѣ связываются единеніемъ вѣры и всѣ подчинены единому уставу. У насъ единенія исповѣданія нѣтъ. Всѣ стремятся къ по-

знанію правды и истины, но всё чувствуютъ ее смутно, сами не знаютъ, что имъ нужно, и какимъ путемъ дойти до нея. Пробоваль я устраивать бесѣды—но ихъ какъ-то не слушаютъ. Стремятся къ свободѣ личности, и этимъ вяжутъ другъ друга. Попробую ихъ на время оставить—посмотрю, что выйдетъ. Чуковинъ по-своему правъ: быть-можетъ, сюда надо придти, раздавъ свое имущество. Но это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Особенно это легко говорить тому, у кого и имущества-то никакого нѣтъ. Когда я рѣшился оставить нашу фирму, выйти изъ нея,—я продалъ за четыреста тысячъ свою долю на заводѣ,—и теперь пайщикомъ тамъ не состою. Я только получаю свою часть со сплаваго лѣса... Такъ вотъ, получивъ отъ братьевъ эти четыреста тысячъ,—я ихъ цѣликомъ на новую клинику отдалъ. Не хотѣлъ я, чтобъ это знали. Въ газеты не проскочило, а до братьевъ черезъ управляющаго дошло. Вотъ и вскипѣли они. Хотѣли меня объявить сумасшедшимъ, и чуть ли не въ мою же клинику меня посадить... Съ точки зрѣнія Чуковина—это было бы прекрасно: и нищимъ бы я сталъ, и за правду пострадалъ бы... Ну, а мнѣ показалось, что такъ не слѣдуетъ дѣлать... Такъ я все и отдалъ, только ужъ,—сознаюсь тебѣ,—въ домѣ, что я сестрѣ своей Любѣ подарилъ, у меня осталось три моихъ комнаты: и въ комнатахъ этихъ нѣсколько десятковъ картинъ, что я за всю жизнь скупилъ. Да и тѣ я по завѣщанію пожертвовалъ городской галлерей. Но пока живъ, все какъ приѣзжаю въ Москву,—живу среди нихъ... Чуковинъ и въ томъ бы меня обвинилъ, что я у Боровицкаго за нѣсколько тысячъ этюды купилъ. Да почему же и не поддержать художника русскаго, самобытнаго, много въ свое время для искусства сдѣлавшаго? Я знаю, онъ въ свой чередъ положитъ изъ этого молодежи раздасть. Я считаю, что на мнѣ лежитъ долгъ такъ поступать.

Макшановъ.—Вы точно оправдываетесь передо мною?

Зотовъ.—Да, оправдываюсь,—мнѣ не хочется, чтобы у тебя неясность какая-нибудь по отношенію меня осталась.

III.

Наташа и Пепулевичъ съ крыльца.

Наташа.—Спасибо, мнѣ это удобно.

Пепулевичъ.—Очень радъ. Ну, а я испаряюсь, чтобъ переодѣться. Гаврила Петровичъ, хочешь на дорогу зонтикъ подарю?

Зотовъ (*взявъ въ руки*).—Нѣтъ, жидокъ. Обопрешься—сломается. Я лучше свою дубинку возьму.

Пепулевичъ.—Думаль презентовать на память,—а тамъ какъ хочешь. (*Уходитъ*).

Наташа.—Все дѣло уладится скоро, и насъ не задержать. Черезъ мѣсяцъ—я буду совсѣмъ свободна.

Зотовъ.—Ну, и давай тебѣ Богъ! Я на тебя, Наташа, никогда не смотрѣлъ какъ на члена колоніи. Ты слишкомъ изнѣжена, чтобы жить здѣсь. Быть-можетъ, настанетъ время—и опять придешь сюда. А нѣтъ—значить, и не надо. Вотъ тебѣ мой завѣтъ: люби, только люби искренно, свѣтло, чисто. Любовь всякая хороша, если это любовь. Любовь—подвигъ, въ чемъ бы подвигъ ни выражался (*Цѣлуетъ ее въ лобъ*). Что ты цѣлый годъ сама себѣ бѣлье стирала—это хорошо. Но если ты прачкѣ, которая на тебя стирать теперь будетъ, внушишь любовь и къ себѣ, и къ ближнимъ, такъ это будетъ еще лучше (*смыется*). Такъ-то, милые мои, такъ-то!

Маншановъ.—Съ вами, я думаю, намъ много разъ доведется встрѣтиться?

Зотовъ.—Можетъ, и доведется,—никто не знаетъ. Сегодня мы живы и здоровы,—а завтра вмѣсто насъ лежитъ на кровати что-то совершенно чуждое, холодное, внушающее отвращеніе,—а мы сами неизвѣстно гдѣ. И ни лѣтъ, ни здорovie — никакой гарантіи на это не даютъ. Одно

только надо: не бояться смерти, ничѣмъ не связывать себя на землѣ,—а тихо, спокойно, открыто смотрѣть ей въ глаза... Ну, да что же я вамъ проповѣдую: не по времени и не по мѣсту. Работай, Левъ, попрежнему, ты, какъ публицистъ, талантливъ: сѣй разумное, честное, доброе, а главное— «глаголомъ жги сердца людей!» Оглядываться заставляй на самихъ себя.

IV.

Арина съ крыльца.

Арина.—А тутъ вы, Гаврила Петровичъ, еще туфли забыли (*показываетъ*).

Зотовъ.—А ты возьми ихъ себѣ на память.

Арина.—Ну, спасибо.

Зотовъ.—И тебѣ спасибо. Спасибо за услуги. Прости меня, коли въ чемъ я провинился.

Арина (*всхлипнувъ*).—Да чего жъ вы... Вы ничего.

Зотовъ.—А кромѣ туфель, вотъ тебѣ еще... Ты напередни говорила, что братъ погорѣлъ...

Арина.—Погорѣлъ... Въ новыхъ выселкахъ... Одинъ только дворъ его и сгорѣлъ.

Зотовъ.—Ну, вотъ пошли ему—тутъ двадцать пять рублей. Можетъ, и поправится. (*Идетъ на крыльцо*). Тамъ и платъ, и бѣлье, что въ сундукъ—оно не пойдетъ со мной,—ты всѣмъ сундукомъ ему отдай... Пригодится.

(*Уходятъ оба*).

Макшановъ.—Ты грустна?

Наташа.—Мнѣ жаль расставаться со старикомъ.

Макшановъ (*взявъ ея руку*).—Меня вчера удивило твое прощаніе съ твоимъ отцомъ...

Наташа.—А что?

Макшановъ.—Холодно. Ни съ той, ни съ другой стороны ни капли чувства.

Наташа.—А мы никогда особенно не любили другъ друга. Но съ крестнымъ очень удобно жить...

Макшановъ.—Съ крестнымъ? Развѣ онъ тебѣ крестный?

Наташа.—Да вѣдь ты же самъ сейчасъ назвалъ его отцомъ?

Макшановъ.—Мнѣ Зотовъ сказалъ, что онъ твой родной отецъ.

Наташа.—Что? что? тебѣ сказалъ Зотовъ? Левушка, Левушка,—отчего же ты мнѣ тогда же этого не сказалъ... Постой... Что такое? Я ничего не понимаю... Онъ—отецъ?.. *(Берется за голову)*. Такъ... Да, да! Господи! Что такое за странныя существа—люди.

(Садится къ столу и закрываетъ лицо руками).

Макшановъ.—Мнѣ и въ голову не приходило, что это тебя взволнуетъ, что ты этого не знаешь.

Наташа.—Левушка, Левушка! Да что же это люди дѣлаютъ? Да зачѣмъ же мать отъ меня это скрывала? Ну, добро бы былъ живъ ея мужъ,—еще тогда я понимаю. А то... вѣдь, ты подумай. Сколько разъ дѣвочкой я прибѣгала къ ней и, обнявши ее и плача, спрашивала: «а гдѣ же папа, отчего папы нѣтъ съ нами?» И мать меня гладила по головкѣ и увѣряла, что папа взятъ на небо... А что вотъ есть папа крестный, который будетъ заботиться обо мнѣ. И я потому именно и не любила этого крестнаго, что имъ подмѣнили мнѣ того, настоящаго. Зачѣмъ же, Левушка, меня они лишили отца? зачѣмъ?

Макшановъ.—Это щепетильность, свойственная всѣмъ матерямъ, у которыхъ дѣти не отъ мужа. Видишь ли, онъ думаютъ, что дѣти перестанутъ ихъ уважать, если узнаютъ, что онѣ не были вѣрны своимъ мужьямъ.

Наташа.—Но вѣдь мать умерла всего три года назадъ,—неужели она не могла, хотя бы письмомъ... Ахъ, какъ это не хорошо, Левушка, какъ все это не хорошо. Да если бы

я знала, что онъ отецъ мой... Да развѣ бы я такъ ходила за нимъ? Вѣдь я бы вся ушла въ любовь къ нему... Папа, папа!.. Зачѣмъ, зачѣмъ это все?

Макшановъ. — Условности заѣли, Наташа. Ни на что прямо не смотрять. Боровицкій, быть-можетъ, не хотѣлъ тебя связывать этимъ родствомъ...

Наташа.—Да пойми, развѣ я бы сошлась открыто съ тобой, если бы знала, кто онъ мнѣ?.. Зачѣмъ эта ложь, эта скверная, ненужная ложь?.. Да, теперь я вспоминаю. У насъ на стѣнѣ висѣлъ портретъ моего отца... То-есть, не отца, а его... мужа матери. Какъ теперь его вижу: онъ носилъ проборъ сбоку и волосы длинные; глаза у него были молочные совѣмъ,—и галстукъ красный. И когда я ребенкомъ думала, что онъ на небѣ, мнѣ всегда казалось, что именно онъ тамъ въ этомъ красномъ галстукѣ. Онъ былъ, Левушка, плохой художникъ,—но думалъ, что онъ талантъ. И чахотка у него развилась отъ того, что онъ пилъ съ горя... Мать никогда о немъ хорошо не вспоминала и говорила, что онъ загубилъ ея молодые годы... Не лучше ли было прямо сказать мнѣ: Наташа—ты дочь вотъ не этого несчастнаго, а вотъ этого извѣстнаго художника... Я отказываюсь понимать людей. Гдѣ же у нихъ чувство, гдѣ здравый смыслъ? И, наконецъ, онъ, онъ—мой отецъ, какъ же онъ такъ апатично, холодно, разсудочно относится ко мнѣ?

Макшановъ.—Милый мой другъ,—у такихъ натуръ, какъ твой отецъ, вся ихъ душа и помыслы уходятъ въ искусство, а для любви къ близкимъ у нихъ не остается ни времени, ни охоты. Не осуждай его...

Наташа.—Я не осуждаю... Но только не могу понять, зачѣмъ люди, изъ какого-то ложнаго стыда, обрекаютъ другъ друга на страданія. Вотъ теперь, вѣдь моя душа такъ и рвется къ нему, такъ бы я и кинулась, и обняла его, и прижалась къ нему, и выплакала на его груди много-много

горя, которое можно сказать только отцу. А онъ теперь мчится гдѣ-то по стѣнямъ на поѣздѣ, и забылъ даже думать обо мнѣ. (*Прислоняетъ голову къ его груди*).

V.

Суценно *изъ воротъ*.

Суценно (*въ высоко подобранномъ платьѣ и резиновыхъ калошахъ*).—Ого! да у васъ совсѣмъ ламуръ. Да кто же это вамъ позволилъ?

Макшановъ.—А не позволяете?

Суценно.—Да чортъ съ вами! Я проститься къ Зотову пришла, а не къ вамъ.

Наташа.—Онъ сейчасъ выйдетъ... (*Вытираетъ глаза*).

Суценно. Боже мой, слезы! Еще, пожалуй, скажете, что по Гаврилѣ плачете?

Наташа. Ничего вамъ не скажу. (*Уходитъ въ домъ*).

Суценно.—Ахъ! Не скажу! Да и вы-то хороши, — вы брали тоже?..

Макшановъ.—Да вамъ-то что!

Суценно.—Вѣдь у нея нѣтъ никакихъ устоевъ. Бѣло-ручка, — стирать, видите, не можетъ, прислугу держать.

Макшановъ.—Что вы какъ ракета сегодня—такъ и шипите.

Суценно.—Вы на дерзость напрашиваетесь, — что это за сравненіе съ ракетой? И въ какомъ смыслѣ?

Макшановъ.—Полноте, давайте мириться.

VI.

Постепенно входятъ изъ воротъ: Холодовская, Апакушинъ, Чуковинъ, Бушмаринъ съ Лидой, потомъ Пепулевичъ, передъвѣсившійся въ прежнее платьѣ; набралось еще человѣкъ пятнадцать; изъ нихъ — двѣ женщины. Лица болѣе или менѣе интеллигентныя. Одѣты въ блузы и пиджаки. Жид-

кое солнце брызнуло нѣсколькими лучами и разогнало струю полутьму.

Суценко.—Холодовская, ты знаешь, я здѣсь застала совершенно матримоніальную сцену.

Холодовская.—Эге! Все Наташка?

Суценко.—И философъ этотъ. Я протестую. Я старѣйшая изъ скитскихъ членшъ.

Холодовская.—Нехай имъ! Чего!

Апакушинъ (*за нимъ Лида съ маленькимъ сверткомъ. Онъ слышалъ слово «протестую»*).—Ну, вы, протестантка, а приготовили вы что-нибудь на дорогу Гаврилъ?

Суценко.—А что я ему приготовлю?

Апакушинъ.—Не знаю,—вотъ Бушмарина пирожковъ съ яицами ему напекла.

Суценко.—Вотъ изъ ума вонъ!

Чуковинъ (*мрачный, осунувшійся, входитъ сурово озираясь*).

Апакушинъ.—Что, старина, мрачно смотришь? И ты, братъ, кажется, бессонную ночь провелъ?

Чуковинъ.—Ну, и провелъ.

Апакушинъ.—Это хорошо. Можетъ-быть, все-таки совѣсть-то проснулась?

Чуковинъ.—Нѣтъ, я мнѣнія своего не измѣняю. Я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые отрекаются отъ собственныхъ дѣтей, отъ братьевъ, отъ матерей и отцовъ, если не сходятся съ ними въ убѣжденіяхъ. Я, можетъ-быть, люблю Зотова въ сорокъ тысячъ разъ больше, чѣмъ вы, и все-таки радъ, что онъ покидаетъ насъ.

Апакушинъ.—А я бы радъ былъ, если бы ты его поменьше любилъ, да просилъ бы его остаться. Быть-можетъ, не поздно еще, старикъ. Попробуй.

Чуковинъ.—Ты слыхалъ когда о Брутѣ? Ты знаешь, почему онъ убилъ Цезаря?

Апакушинъ.—Чортъ его знаетъ, почему онъ убилъ,—знаю только, что его ударъ—символь предательства.

Чуковинъ.—Онъ убилъ его, не потому, чтобы его не любилъ, а потому, что онъ Римъ любилъ больше. Его поступокъ—высочайшая жертва.

Апакушинъ.—И ты приносишь жертву?

Чуковинъ.—И я! И Зотовъ пусть, подобно Цезарю, воскликнетъ: «Et tu, Brutel!»—Я не отрекись и не побоюсь!

Бушмаринъ (*стоявшій возлѣ, къ Суценкѣ*).—Суценко, хотите, я вамъ загадку загадаю: что такое шипить, стучить, вертится, никого не боится, ходитъ весь вѣкъ, а не человѣкъ?!

Суценко.—Вотъ чѣмъ удивили! часы.

Бушмаринъ.—Неправда: Чуковинъ.

Суценко.—Развѣ онъ не человѣкъ?

Бушмаринъ.—Нѣтъ, ходячая теорія.

Чуковинъ.—Лучше быть ходячей теоріей, чѣмъ ходячимъ пошлякомъ.

Пепулевичъ.—Насосы-то видѣли?

Чуковинъ.—Отъ пыли улицы поливать будемъ?

Пепулевичъ.—Не говорите, это какъ душъ хорошо, когда слишкомъ страсти разгорятся?

Чуковинъ.—Въ тебѣ да въ Апакушинѣ много брандмейстерскихъ чертъ сидитъ.

Пепулевичъ.—А ловко рѣжетъ,—люблю дядю за правду.

Апакушинъ (*на крыльцѣ; онъ заглядываетъ въ домъ*).—Ну, друзья, Гаврила Петровичъ собрался, сейчасъ выходить. Есть еще время, просите всѣмъ міромъ: можетъ, онъ насъ не покинетъ.

(Зотовъ, за нимъ Наташа. На немъ непромокаемое пальто, толстая палка; широкая шляпа, маленькая котомка-ранецъ. Лицо его спокойно, слегка улыбающееся.)

Зотовъ (*услыжавъ послѣднія слова Апакушина*).—Поздно, Апакушинъ. Я ужъ совсѣмъ собрался. (*Снимаетъ шляпу*). Прощайте друзья!

(Кланяется. Многіе снимаютъ шляпу).

Раздаются голоса.—Не уходи, Гаврила Петровичъ, не покидай насъ.

Зотовъ (*смотря на небо*).—Вотъ и солнышко Господь дадь,—подъ его лаской и поплетусь по степи. (*Оглянувшись на Лиду и Сущенко, что стоятъ у крыльца*). Это что? Даже слезы на прощанье? Трогаетъ это меня, трогаетъ: значить, какъ на родного смотреть. Не навсегда я уйду отъ васъ, братья,—пройдетъ немного времени—можетъ, и вернусь къ вамъ. Тѣломъ я не буду съ вами, но душа моя—всегда здѣсь. Здѣсь все мнѣ дорого. Здѣсь съ каждымъ дворомъ, съ каждой бороной у меня связанъ цѣлый рядъ воспоминаній. Нѣтъ у меня на всей землѣ мѣста, гдѣ бы я съ большей радостью жилъ и работалъ. Но я долженъ уйти отсюда: это испытаніе и для васъ и для меня.

Апанушинъ (*дрогнувшимъ голосомъ*).—Не уходи, Гаврила! Останься съ нами, не слушай сѣдобородаго шута—Чуковина. Вѣдь онъ тоже любитъ тебя,—сейчасъ признавался.

Зотовъ (*отрицательно качая головой*).—Мнѣ надо уйти. Я не могу оставаться здѣсь, пока раздаются голоса противъ меня. Что я задумалъ и рѣшилъ, то и исполню, и никакая сила меня не остановитъ. Если бы солнца сегодня не было, а буря ревѣла и деревья вадила,—я бы все-таки ушелъ: такой ужъ мой характеръ.—А вотъ вамъ что я на прощанье скажу. Любите нашъ Скитъ, любите эту вторую вашу родину. Берегите его, берегите и себя. Ваша чистота—чистота всего нашего дѣла. Берегитесь ссоръ и дразгъ. Уступайте недругамъ вашимъ, какъ я всегда имъ уступалъ,—и вы почувствуете, какой тихой радостью будетъ полна ваша душа.—Я не стану передъ вами оправдываться отъ тѣхъ укоровъ и напѣтовъ, которые раздаются противъ меня. Я считаю недостойнымъ оправдываться въ чемъ бы то ни было. Освободитесь отъ ноши міра сего—великое дѣло, и благо тому, кто безъ нея совершаетъ свой

земной путь. Но не такъ иные изъ васъ понимаютъ эту ношу. Иногда эта ноша міра—тотъ крестъ, который данъ намъ и который должны мы нести. Труднѣе, во сто кратъ труднѣе идти подъ этой ношей, чѣмъ сбросить ее. Вѣрите ли вы мнѣ, или нѣтъ, это ваше дѣло, но хотѣлъ бы я, чтобъ вы вѣрили мнѣ.

Голоса.—Вѣримъ... вѣримъ...

Чуковинъ.—Нѣтъ, не вѣримъ.

Зотовъ.—Сохраните вашу библіотеку. Въ ней не Богъ вѣсть сколько книгъ, но она толково составлена, и есть много прекрасныхъ, рѣдкихъ экземпляровъ. Вотъ Пепулевичъ любить книги, ему я и передаю ключъ отъ шкапа.

Пепулевичъ (*беретъ отъ него ключи и съ какимъ-то благоговѣніемъ*).

Зотовъ.—Берегите инструменты и земледѣльческія машины. Если окрестные крестьяне будутъ просить ихъ для работъ—давайте ихъ, но не позволяйте ихъ ломать и портить. Итакъ, прощайте, други (*кланяется въ поясъ*). Помните меня, какъ я помню васъ. Знайте, гдѣ бы я ни былъ, я всегда готовъ протянуть вамъ руку помощи, если она вамъ нужна. Пишите, все получите немедленно.

(*Сходитъ съ крыльца*).

Лида (*съ волненіемъ*).—Вотъ, Гаврила Петровичъ, я вамъ на дорогу пирожковъ испекла. Возьмите. До города далеко...

Зотовъ.—Спасибо, милое твое сердце, спасибо за ласку и память. (*Цѣлуетъ ее*). Съѣмъ твои пирожки дорогой. Положи мнѣ ихъ въ сумку, Наташа.

(*Суценокъ съ плачемъ припадаетъ къ нему на грудь*).

Зотовъ (*строго*).—Не надо плакать, не надо! Не слезами живъ человѣкъ! Не надо! Прощай, Апакушинъ (*обнимаетъ его*). У тебя душа твердая,—на тебя я надѣюсь,—ты рукой своей крѣпкой отъ многого можешь удержать, и ко многому направить.—Съ тобой, Бушмаринъ, въ Москвѣ увидимся,—а вотъ дѣтокъ за меня поцѣлуй (*цѣлуетъ его*).

На тебя, Пепулевичъ, я много тоже возлагаю. Ты вѣдь не таковъ, какъ на видъ кажешься. У тебя сердце-то золотое, мягкое. Только старайся себя укротить, себя самого!

(Пепулевичъ внезапно цѣлуетъ у него руку).

Зотовъ (*отдернувъ ее*).—Что ты, родной!

Пепулевичъ.—Ничего. Такъ надо!

Зотовъ (*обнимаетъ его и тихо на ухо*).—Брось пить.

Пепулевичъ.—Знаю!

Зотовъ (*останавливаясь передъ Чуковиннымъ*). — Прости меня, если виноватъ въ чемъ передъ тобою (*кланяется ему въ поясъ*).—Коли хочешь,—въ ноги тебѣ поклонюсь?

Чуковинъ.—Что мы за идолы, чтобъ въ ноги намъ кланяться? Обоймемся по-братски! (*Цѣлуются трижды*).

Зотовъ.—Прощайте же, братья! Прощайте, сестры. Любите другъ друга и людей всѣхъ любите. Вѣрьте, что хорошихъ людей на свѣтѣ больше, чѣмъ дурныхъ, иначе зло подавило бы все хорошее, и жить нельзя было бы. На видъ, можетъ, и дурно люди живутъ,—но они и сами не замѣчаютъ, какъ съ каждымъ годомъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ они дѣлаются мягче и чище. Погасли костры инквизиціи; и пытки, и кнутъ, и розги,—все это уже назади,— вмѣстѣ съ людоѣдствомъ, съ варварствомъ, съ тьмою. Мы къ свѣту идемъ,—на зарю того дня, который рано или поздно загорится надъ землею,—когда всѣ сольются въ одной любви, въ одномъ братскомъ чувствѣ великаго Божьяго царства. Помните, дѣти, это: чтобъ всегда призракъ этой зари стоялъ передъ вами!

(*Онъ уже недалеко отъ воротъ. Почти всѣ двинулись провожать*).

Зотовъ (*останавливая ихъ движеніемъ руки*). — Не провожайте. Дальніе проводы—лишніи слезы.

(*Двинувшіеся-было впередъ останавливаются. Сущенко, прикурнувъ у стола, тихо плачетъ, закрывши лицо платкомъ. На-*

таша у самыхъ воротъ еще разъ обнимаетъ
ею; онъ тихо ее отстраняетъ).

Зотовъ.—Прощайте, миръ съ вами!

(Быстро уходитъ. Всѣ смотрятъ ему вслѣдъ.

Бушмаринъ *вспрыскиваетъ на заборъ. Пауза).*

Бушмаринъ.—Вотъ сейчасъ скроется за поворотомъ. Остановился. Снимаетъ шляпу! *(Машетъ своею).* Прощай!

Апанушинъ.—Гаврила, вернись!

Бушмаринъ.—Ушелъ! *(Спрыскиваетъ съ забора).*

Апанушинъ *(топтъ).*—Эхъ, вы! Упустили изъ рукъ кого, не сумѣли уберечь! Ждите, когда онъ вернется! Хотите, скажу, когда это будетъ? *(Напряженное вниманіе).* Никогда! *(Уходитъ).*

Чуковинъ.—Товарищи! Зотовъ ушелъ. Намъ выбрать надо новаго старшину. Сегодня вечеромъ въ сборной хатѣ сойдемся. Но, предупреждаю: меня не выбирайте. Я строптивъ и неуживчивъ,—я останусь въ оппозиціи.

Голоса.—Апакушина надо! Кого же еще...

Чуковинъ.—Ну, какъ рѣшите, такъ и будетъ,—а за Апакушина и я голосъ подаю. *(Уходитъ).*

Бушмаринъ.—Тутъ и собираться нечего, развѣ, чтобъ форму исполнить. *(Жетъ).* Чего жъ ты плачешь? Вѣдь Зотова мы-то черезъ недѣлю увидимъ.

*(Всѣ постепенно начинаютъ расходиться.
Опять темнѣетъ).*

Сущенко *(еще не оправившаяся отъ слез).*—Пепулевичъ,—я опять за васъ пять дней пасла, что же это такое?

Пепулевичъ.—Я пастуха нанялъ,—онъ ужъ съ утра здѣсь. Травы еще много въ степи, а на дождѣ мовнуть и я несогласенъ.

Сущенко.—Ну, слава Богу. Миѣ чулки шерстяные на всѣхъ вязать надо. Скоро ли перевяжешь.

Пепулевичъ.—А я вамъ подарокъ привезъ: дюжину плат-

ковъ, да вѣдь какихъ здоровыхъ, точно изъ кожи. Я видѣлъ, что у васъ всѣ въ дырахъ.

Сущенно.— Спасибо, а только съ какой стати?

Пепулевичъ.— Да я всѣмъ бабамъ привезъ по дюжинѣ.

Сущенно.— Непріятно вы выражаетесь (*не безъ кокетства*). Занесете?

Пепулевичъ.— Си, синьора!

(Всѣ разошлись; на сценѣ Пепулевичъ, Макшановъ, Наташа).

Макшановъ (*смотритъ черезъ заборъ*).— Вотъ гдѣ Зотовъ, бѣлѣть, — вышелъ въ степь.

Пепулевичъ.— А вы скоро ѣдете, Наталья Константиновна?

Наташа.— Да, — какъ уложимся...

Пепулевичъ.— Ахъ, вы съ господиномъ Макшановымъ? Что же, это чудесно... Покромовъ васъ въ городѣ больше, какъ на одинъ день, не задержитъ. А только все же, вы меня извините, я не понимаю, — какъ это ужъ ровно ничего съ ех-супруга-то не взять. Хоть бы вы поставили условіемъ, чтобъ онъ милліонъ отъ неизвѣстнаго на университетѣ пожертвовалъ. Можетъ, его невѣста не позволить, — ну, пусть новый царь-колоколъ отольетъ, только чтобъ отъ него милліонъ взять.

Наташа.— А вотъ вы, кажется, что-то съ него получили?

Пепулевичъ.— Только нѣкоторую часть того, что отъ меня же отобралъ. — Я вѣдь теоріи непротивленія не держусь.

Макшановъ (*къ нимъ подходитъ*).

Пепулевичъ.— Гложетъ меня нѣкій червь...

Макшановъ.— Опять запьете?

Пепулевичъ.— Нѣтъ, теперь я не скоро запью. А вотъ долженъ я одну вещь вамъ сказать. Я бы могъ ее совсѣмъ не говорить, — и никто бы никогда и не узналъ, что было такое обстоятельство, — но молчать не могу. — Сдѣлалъ мерзость — покаяніе принести долженъ. — Вы изволили видѣть,

какъ я у Гаврилы руку поцѣловаль? Какъ вы думаете, что эта аллегорія обозначала?

Макшановъ.—Почемъ мнѣ знать.

Пепулевичъ.—Вѣдь ужъ не такъ же я уважаю Зотова, чтобы, какъ у отца духовнаго, десницу его лобызать? А между тѣмъ, я унизилъ себя всенародно, для очищенія.

Макшановъ.—Я подумаль, что изъ васъ еще не вывѣтрился вчерашній ужинъ.

Пепулевичъ.—Не попали, не то. Видѣли вы—ключъ онъ мнѣ отъ библіотеки даль на храненіе? (*Вынимаетъ изъ кармана*). Ну, а вы знаете, что библіотека эта мною была пропита, — въ лучшихъ, по крайней мѣрѣ, экземплярахъ? Я городскому головѣ сбываль: онъ любитель рѣдкостныхъ книги собирать. За полцѣны-то ему лестно.

Макшановъ.—А зналъ Зотовъ про это?

Пепулевичъ.—Что онъ зналъ и чего не зналъ, того никто не знаетъ.—Но вчера я выкупилъ всѣ книги. Голова отдавать не хотѣлъ, да я его пугнулъ—говорю, что краденныя, и что не постѣснюсь на него указать, какъ на укрывателя. Ибо кто изъ насъ гаже—я ли, пропивающій общественную собственность, или онъ, завѣдомо знающій, что не свое я продаю,—неизвѣстно! На восемьдесятъ два рубля выкупилъ. Теперь всѣ въ шкапу, и ключа никому не дамъ... Такъ вотъ, изволите видѣть, Наталья Константиновна, кто сидитъ передъ вами: воръ, пьяница, лгунъ... А Зотовъ не жетъ, не пьянствуетъ и не крадетъ. Вотъ я за это и рѣшилъ это самое цѣлованіе произвести, а главное,—на зло Чуковину. А вамъ говорю потому, чтобы и вы знали, что я былъ негодяй,—а тѣмъ, что сказалъ вамъ обо всемъ этомъ, себя очистилъ и впередъ даже вовсе не желаю мерзавцемъ быть (*встаетъ*). А пока, позвольте откланяться. Я еще завтра зайду къ вамъ съ прощальнымъ визитомъ.—Одного вамъ желаю: найти то, чего здѣсь нѣтъ пока: миръ для души и любовь. А мы не пропадемъ. Намъ и Зотова не надо,—

уйдемъ въ работу, и конченъ балъ (*Цѣлуетъ руку Наташи*).—Помните, у васъ есть преданный человѣкъ,—это я. Коли нужно—въ огонь пойдетъ. (*Показывая на небо*).—Опять хмурится: сама природа оплакиваетъ уходъ Гаврилы. До свиданія. Очень радъ, очень... (*Уходитъ*).

Наташа.—Странный онъ человѣкъ. Когда-то онъ влюбленъ въ меня былъ,—еще до моего замужества...

Макшановъ.—Онъ натура богатая,—но все въ немъ изломано.

Наташа.—Жизнь сломала... (*Пауза*).

Макшановъ.—Вотъ мы и одни.

Наташа (*подавая ему руку*). — Вдвоемъ. — Слушай, Левушка,—а не кажется тебѣ, что наше пребываніе въ колоніи кончилось... извини за выраженіе... самымъ будничнымъ пошленькимъ романомъ!

Макшановъ.—А слышала, что сейчасъ Зотовъ завѣщаль намъ любовь,—сознательную, хорошую... Мы оба съ тобой были несчастны, жили какъ во снѣ... А теперь, можетъ-быть, для насъ то же, та заря наступить, о которой онъ говорилъ. Мы еще не стары, сильны, здоровы,—пойдемъ рука объ руку—туда, къ свѣту.

Наташа.—Да я въ послѣдніе дни точно снова жить начала, точно снова родилась. Я счастлива, слышишь, Левушка, какое это странное, незнакомое слово — счастлива! И смотри, небо нахмурилось, тучи надвинулись, дождь идетъ,—а мнѣ смѣяться хочется, внутри у меня все такъ свѣтло, радостно, молодо,—точно вотъ сейчасъ-сейчасъ выйдетъ яркое солнце—оживить—согрѣть...

(*Занавѣсъ*).

К О Н Е Ц Ъ.

Женщина-домашн. врачъ.

Настоящая книга для женщинъ. Составила докторъ медицины Анна Фишеръ-Дюкельманъ. Значительно дополненный переводъ съ нѣмецкаго под редакціей д-ра мед. І. А. Литинскаго. 1085 страницъ in 8°, съ 463 рис. въ текстъ, 96 рис. на отд. таблицахъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько красокъ, и съ портретомъ автора.—Женщинѣ сама судьба предназначила находиться постоянно на стражѣ здоровья семьи и часто являться въ ней—домашнимъ врачомъ. Предлагаемая книга и имѣетъ цѣлью служить въ важныхъ, жизненныхъ вопросахъ здоровья и Слѣзны семьи внимательнымъ, участливымъ и разумнымъ со-вѣтникомъ русской женщины. Цѣна 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.; въ красивомъ перепл. 5 р. 75 к., съ перес. 6 р. 25 к.

Семья и ея задачи.

Книга для родителей и воспитателей. Составлена родителями и друзьями дѣтей, под редакціей АРСЕЛЯ АРСТАЛА. Разработанный и дополненный для русскихъ читателей переводъ съ норвежскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Предлагаемая книга, въ составленіи которой принимало участие болѣе 70 лицъ, представляетъ собою какъ бы сводъ статей по вопросамъ воспитанія, разработанныхъ съ любовью и знаніемъ дѣла въ наиболее доступныхъ для средняго читателя рамкахъ, и должна явиться въ полномъ смыслѣ слова настоящей книгой. Хорошо изданная книга въ 461 стр. in 8°. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; въ перепл. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Шницеръ, Я. Б. „ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ПИСЬМЕНЪ“.

Со 155-ю рисунками и 19 отдѣльными таблицами, печатанными золотомъ и красками. Предлагаемое сочиненіе представляетъ собою оригинальную, первую въ нашей литературѣ, попытку въ общепонятномъ изложеніи дать полный обзоръ всему, что добыто наукой по вопросу о происхожденіи и развитіи письменности у различныхъ народовъ земного шара. Изящно изданная, отпечат. на веленев. бумагѣ, книга въ болѣе 8 д. л. Цѣна 4 р., съ перес.—4 р. 50 к.; въ перепл. 4 р. 50 к., съ перес.—5 р.

Гёте. „ЛИСЬ ПАТРИКЪИЧЪ“.

Поэма въ 12 пѣсняхъ. Роскошно-иллюстрированное изданіе in folio. Съ 36-ю эстампами на мѣди и 24-мя гравюрами по рисункамъ В. Каульбаха. Переводъ сдѣланъ однимъ изъ лучшихъ современныхъ поэтовъ-переводчиковъ, В. С. Лихачовымъ. Внѣшность изданія: бумага, печать и воспроизведеніе иллюстрацій не оставляютъ желать ничего лучшаго. Цѣна 12 р., съ перес. 13 р. Въ переплетѣ—16 р., съ перес. 18 р.

Фетъ, А. А. „ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ“

подъ ред. Б. В. Никольскаго, въ 3-хъ т., съ 4 портретами и автографомъ Фета, съ хронологич. и алфавитн. указателями и съ прилож. вступительн. статей Н. Н. Стрхова и Б. В. Никольскаго. Изящное изданіе въ 8 д. л., 1754 стр. СПб. 1901 г. Цѣна 5 р., съ перес. 5 р. 75 к.; въ перепл. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р. 25 к. Цѣна роскошн. изданія, на слоеной бумагѣ 10 р., съ перес. 11 р.; въ переплетѣ 13 р., съ перес. 14 р.

Вейнбергъ, П. И. СТИХОТВОРЕНІЯ

съ добавленіемъ юмористическихъ стихотвореній Гейне, изъ Тамбова. Изящно изданный томъ содержитъ въ себѣ 130 стихотвореній и отпечатанъ на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, 276 стр. in 8°. СПб. 1902 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес.—1 р. 75 к.

Полевой, П. Н. „ИСТОРИЯ РУССКОЙ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ“.

полная, подробная, въ общедоступномъ изложеніи. Роскошно-иллюстрированное изданіе in quarto, въ трехъ большихъ томахъ, заключающихъ въ себѣ VIII+2013 страницъ, 953 рисунка (рис., снимки, портреты, автографы и проч.), 19 хромофотографій, отпечатанныхъ многими красками и золотомъ, и 38 отдѣльныхъ цинкографическихъ приложеній. Цѣна изданія: въ 12-ти брошюрован. выпускахъ—12 р., съ перес.—14 р. Въ трехъ прочныхъ коленк. переплеткахъ съ кожан. корешкомъ—16 р., съ перес. 18 р.

Гоголь, Н. В. „ПОХОЖДЕНІЯ ЧИТКОВА ИЛИ МЕРТВЫЯ ДУШИ“.

Поэма въ 2-хъ частяхъ. Роскошное изданіе in folio, съ портретомъ автора, 10 гелиограмъ, и 355 иллюстраціями художниковъ: Андреева, Афанасьева, Бажина, Быстренина, Далькевича, Козачинскаго, Маньковскаго, Пирогова, Самокишъ-Судковской, Соломки и Хохлакова.—Цѣна 12 р., съ перес.—13 р. 50 к. Въ перепл. 16 р., съ перес. 18 р.

Гёте. „ФАУСТЪ“.

Большое роскошно-иллюстрированное изданіе (второе) in folio. Обѣ части, переводъ А. Фета, съ 25 эстампами, гравированными на мѣди, и 132 гравюрами на деревѣ по рисункамъ Энгельберта Зейбертца, исполн. знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг. Цѣна 16 р., съ перес. 19 р. Въ роскошн. перепл., съ упаковкою, 20 р. 75 к. Имѣется въ продажѣ общедоступное изданіе безъ рисунковъ, въ 16-ю д. л., въ 2-хъ ч. Цѣна за обѣ части (923 стр.) 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 20 к. Цѣна одной первой части 75 к., съ перес. 1 р. Вторая часть отдѣльно не продается.

Салтыковъ, М. Е. (Щедринъ). ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ въ 12 т., 8458 стр. in 8°, съ портретомъ автора, его факсимиле и видомъ могилы, памятника. Цѣна 12 томамъ 18 р., съ перес. 21 р.; въ перепл. — 24 р., съ перес. 27 р. Цѣна каждому тому въ отдѣльной продажѣ (только безъ перепл.) 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Данилевскій, Г. П. „ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ“. 9-е изданіе въ 24 томахъ (12-ти книгахъ), съ портретомъ, факсимиле и биографическимъ очеркомъ. Изящное изданіе, отпечатанное на прекрасной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Цѣна 10 р., съ перес. 11 р.; въ 7 переплетахъ 13 р., съ перес. 14 р.

Гоголь, Н. В. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ. Редакція Н. С. Тихомирова и В. И. Шенрока. 17-е изданіе, въ одночѣ большое томъ, компактно напечатан. въ 2 столбца (1686 столбцовъ въ 8-ю д. л.), съ портретомъ Н. В. Гоголя, биогр. очеркомъ В. И. Шенрока и съ примѣч. редактора. СПб. 1901 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к.; въ красивомъ коленкор. переплетѣ 1 р. 80 к., съ перес. 2 р. 30 к.

Гоголь, Н. В. „ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ“, въ 12 т., съ 2 портретами, факсимиле и автографомъ Гоголя, съ нѣсколькими собственноручн. его рисунками и примѣч. редактора. 16-е изданіе. СПб. 1900 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.; въ 6-ти коленкор. перепл. 4 р. 25 к., съ перес. 4 р. 75 к.

Терпигоревъ, С. Н. (С. Атава). СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ, въ 6 т., 3562 стр. in 8°, съ критико-биографич. очеркомъ, составленнымъ П. В. Быковымъ, и съ портретомъ автора, исполнен. гелиографурой. Цѣна 9 р., съ перес. 10 р.; въ 6-ти красив. коленкор. переплетахъ — 12 р., съ перес. — 13 р. 25 к.

Боборыкинъ, П. Д. „СОБРАНИЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ“, въ 12 ти т., съ портретомъ и автографомъ, гравир. у Брокгауза, 4153 стр. in 8°. Цѣна 4 р., съ перес. 5 р.; въ перепл. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р. 50 к.

Случевскій, К. К. „СОЧИНЕНІЯ“, съ портретомъ и автографомъ автора, исполн. гелиографурой. Изящное изданіе in 8°, въ 6 т. Цѣна 8 р., съ перес. 8 р. 75 к.; въ перепл. 11 р., съ перес. 12 р.

Шекспиръ. „ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ“, въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. Въ 8-ми т. in 8°, 3688 стр. Съ обширною вступительною статью: „Шекспиръ и его значеніе въ литературу“, биогр. очеркомъ, обстоятельными историко-критическими этюдами къ каждому произведенію и многочисленными (3097) объяснительными примѣчаніями. Цѣна 10 р., съ перес. 11 р.; въ 4-хъ перепл. 12 р., съ перес. 13 р.

Полонскій, Я. П. „ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНІЙ“, въ 5-ти том., 2415 стр., вновь пересмотр. и очень значительно дополненное съ прилож. двухъ портр. Я. П. Полонскаго, гравиров. на стали Брокгаузомъ. Цѣна 6 р., съ перес. 6 р. 75 к.; въ перепл. 8 р. 50 к., съ перес. 9 р. 25 к.

Майковъ, А. Н. „ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ“, новое 7-е изданіе въ 4-хъ томахъ, съ автографомъ и 2 портретами А. Н. Майкова, гравирован. на стали Ф. А. Брокгаузомъ. Изящное изданіе, XXVI+2234 стр. въ 8-ю д. л. СПб. 1901 г. Цѣна за всѣ 4 тома 4 р., съ перес. 4 р. 75 к.; въ перепл. 6 р., съ перес. 6 р. 75 к. Для лицъ, имѣющихъ предыдущія трехтомныя изданія, новый дополнит. IV томъ продается отдѣльно по цѣнѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Собранія сочиненій РУССКИХЪ КЛАССИКОВЪ: 1) А. С. Грибоедова, 2) А. И. Полежаева, 3) Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, 4) И. И. Козлова, 5) А. В. Кольцова, 6) М. В. Ломоносова, 7) Д. И. Фонвизина, — составленные по лучшимъ прежнимъ изданіямъ, тщательно проверенныя по источникамъ, отчасти дополнены и изданныя подъ редакцію А. И. Введенскаго, съ биографіями и портретами авторовъ, гравирован. на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ и Дейнингеромъ въ Мюнхенѣ. Цѣна за одинъ экземпляръ наждаго изъ означенныхъ семи собраній сочиненій — 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.; въ коленкор. переплетѣ, тисненомъ золотомъ и красками, 1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 80 к. Для любителей изящныхъ изданій сочиненія эти (за исключеніемъ соч. Кольцова) отпечатаны на лучшей голландской слоновои бумагѣ, — по цѣнѣ за экземпл.: 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.; а въ роскошн. коленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Лермонтовъ, М. Ю. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ. Въ 2-хъ т. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; въ перепл. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Цѣна роскошн. изданія въ 4-хъ т. 5 р., съ перес. 5 р. 75 к.; въ 4-хъ перепл. 7 р., съ перес. 7 р. 75 к.

Требованія и деньги просить адресовать въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, О.-Петербургъ, улица Гоголя (бывш. М. Морская), № 22. — Изданія эти имѣются также въ продажѣ въ конторѣ Н. Н. Печковской, въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ книжн. маг. «Образованіе», въ Одессѣ (Фишельевская, 12) и во всѣхъ большихъ книжн. маг.

72 12122 0 55

378

